Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЗАХАРОВА Наталья Владимировна

РОЛЬ КОММЕНТИРУЕМОГО СЛОВА В ПРОЕКЦИИ ТЕКСТА ЧИТАТЕЛЯ

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
Золотова Наталия Октябревна

Тверь 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. КОММЕНТАРИЙ КАК ОРГАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1.1. Комментарий: понятие, назначение, типологии ……... 11

1.2. Мета- и гипертекстовой принцип организации информации в тексте с комментарием……..... 28

1.3. Комментарий как переводческая стратегия…… 35

1.3.1. Роль переводчика в модели «автор – текст – читатель»…….. 44

1.3.2. Трудности читателя как объект прогнозирования переводчика… 55

Выводы по главе 1..... 59

ГЛАВА 2. КОММЕНТИРУЕМОЕ СЛОВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Вводные замечания…….. 62

2.1. Вопросы организации экспериментального исследования восприятия читателем комментируемых слов……. 65

2.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования……. 65

2.1.2. Процедура проведения экспериментов. Характеристика испытуемых…….. 66

2.1.3. Источники и мотивированность выбора стимульного материала.. 68

2.2. Результаты экспериментального исследования комментируемых слов в текстах переводов классической и современной художественной литературы……..... 72

2.2.1. Анализ результатов эксперимента №1. Совпадения/несовпадения читательских запросов по комментируемым словам с предложением переводчика……. 72

2.2.2. Анализ результатов эксперимента №2. Анализ субъективных дефиниций исследуемых слов с опорой на контекст без переводческого комментария……. 86

2.2.3. Особенности проекций текста, созданных разными типами читателей с опорой на комментарий…….. 93

Выводы по главе 2..... 109

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 112

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ…… 115

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению восприятия читателем текста переводной литературы с комментарием к незнакомому слову. Незнакомые слова представляют для читателя – рядового носителя языка и культуры – определённые трудности, так называемые, «тёмные места» [Галеева 1997: 11], которые могут представлять осознаваемое или неосознаваемое препятствие на пути к полноценному пониманию текста. С точки зрения специалиста-исследователя, такие «тёмные места» квалифицируются в качестве *лакун,* или культурологических лакун. В настоящем исследовании, вслед за Ю.А. Сорокиным, под лакунами понимаются «элементы вербального и невербального аспектов чужой культуры, вызывающие реакции недооценки, неприятия, несогласия, непонимания» [Сорокин 1987: 91]. В исследовании под лакунами понимается также всё то, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным и требует интерпретации [Сорокин 1988: 10]. Таким образом, трудности восприятия читателем некоторых слов в тексте перевода обозначаются в работе как «тёмные места», лакунизированные слова, слова, требующие комментария.

В центре внимания предпринятого исследования – «текстовый комплекс», состоящий из текста перевода, комментируемого слова и комментария переводчика к нему. Обозначенная триада «слово – текст – комментарий» рассматривается через призму взаимодействия переводчика и читателя с психолингвистической точки зрения.

В русле психолингвистического подхода позиция носителя языка характеризуется активностью и пристрастностью к реальной или воображаемой ситуации, извлекаемой из текста и соотносимой с представлениями об устройстве мира. Позиция переводчика обусловливается его ролью посредника

между автором иноязычного текста и читателем – носителем принимающей культуры. Понимание текста трактуется в психолингвистической традиции как построение его проекции, под которой имеется в виду «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность/целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Залевская 2001: 62].

При ориентации на восприятие текста будущим читателем, переводчику приходится выбирать способ передачи смыслов исходной культуры на язык принимающей культуры. В число таких способов входит использование стратегии комментирования лакунизированных слов.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена потребностью изучения особенностей понимания текста с комментарием читателями, как с целью совершенствования деятельности переводчика по составлению комментариев, так и для решения задач, связанных с обучением «медленному чтению», направленному на обогащение фоновых знаний читателя, сближение его с образованным носителем языка и создание базы для подлинного, полного и неискаженного понимания текста.

Объектом настоящего исследования являются особенности понимания лакунизированного текста читателями.

Предметом – роль комментариев к лакунизированным словам в понимании переводных текстов читателями. **Материалом** исследования послужили данные двух психолингвистических экспериментов, содержащие информацию об особенностях понимания текстов, включающих лакунизированные слова, с комментариями переводчиков или отсутствием таковых, а также субъективные дефиниции испытуемых (далее – Ии.) к словам, прокомментированным переводчиками. В результате проведённых экспериментов было получено и проанализировано 3635 ответов Ии.

Источником фактического материала, с которым работали Ии., послужили фрагменты из текстов художественных произведений, переведённых на русский язык (40 единиц). В качестве Ии. выступили студенты факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета и Тверского института экономики и менеджмента. Общее количество участников эксперимента составило 128 человек.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении роли комментария в процессе понимания переводного текста читателем и описании специфики этого процесса, обусловленной наличием в тексте комментируемых слов.

Для реализации цели настоящего исследования было необходимо решить следующие задачи:

1) обобщить опыт исследований, посвящённых изучению комментария как органической части художественного текста;
2) описать содержание метакоммуникативной деятельности переводчика, направленной на прогнозирование трудностей читателя;
3) рассмотреть психолингвистические модели процессов понимания текста, построенные на представлении о взаимодействии слова и текста;
4) обозначить роль и место переводчика в модели «автор – текст – читатель»;
5) обсудить подходы к комментированию как удачной/неудачной стратегии переводчика;
6) сформулировать гипотезу исследования;
7) организовать и провести экспериментальное исследование, направленное на выявление 1) востребованности/невостребованности комментария к маркированным словам в тексте; 2) особенностей

проекций текста читателей, сформированных под влиянием переводческого комментария;

8) связать выявленные особенности проекций текста с типами читателей и дать их описание.

Теоретическим основанием исследования послужили работы представителей Тверской психолингвистической школы, связанные с изучением ведущей роли слова в понимании текста: А.А. Залевской, М.Л. Корытной, И.Л. Медведевой В.А. Балдовой, Н.В. Рафиковой, Э.Е. Каминской, И.Ф. Бревдо, Н.М. Ткаченко, Т.М. Рогожниковой и др.; исследования особенностей языковой/коммуникативной личности: Т.Г. Пшёнкиной, Е.К. Черничкиной, А.В. Вишневского и др.; комментирования художественных текстов: Л.В. Щербы, Ю.М. Лотмана, С.А. Рейсера, В.В. Виноградова, Р.И. Розиной, А.И. Рейтблата, Л.В. Барминой и др.; а также труды отечественных и зарубежных учёных в области теории перевода и метакоммуникативной деятельности переводчика: В.Б. Кашкина, Н.Л. Галеевой, В.Н. Базылева, А.Д. Швейцера, М.В. Рябовой, В.Н. Карпухиной, Л. Венути, М.Л. Гаспарова, Н.Н. Коробейниковой, Т.А. Казаковой, Т.В. Евсеевой , B. Hatim, I. Mason, A. Lefevre, J. Sager, E. Nida, G. Toury, K. Nord и др.

Основу исследования составили положения психолингвистической концепции понимания слова и текста, разработанные А.А. Залевской.

Авторская позиция сформировалась под влиянием работ У.Эко, Н.О. Золотовой, А.А. Леонтьева, И.А. Стернина, В.П. Белянина, Ю.А. Сорокина, С.Г. Тер-Минасовой, Ж.А. Никифоровой, И.В. Воскресенского, Н.М. Ткаченко, Е.К. Черничкиной.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что комментарий переводчика базируется на прогнозировании трудностей восприятия текста перевода и влияет на проекцию текста читателя, приближая её к авторской.

Для верификации сформулированной гипотезы был организован и проведён психолингвистический эксперимент.

В соответствии с целью и задачами работы основными **методами** исследования послужили теоретический анализ интегративного типа, комплексный психолингвистический эксперимент с привлечением методик субъективного дефинирования и опросника (questionnaire), вертикальный и горизонтальный анализ экспериментальных бланков, обобщение теоретических и экспериментальных данных.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) отсутствие комментария к лакунизированному слову обедняет понимание читателем переводного текста и влияет на проекцию текста читателя;
2) мета- и гипертекстовая организация текста с комментарием позволяет трактовать комментируемое слово как гиперссылку, представляющую собой свёрнутый текст, прочтение которого способствует оптимизации процессов понимания текста разными типами читателей;
3) идентификация слова, незнакомого читателю, и понимание всего текста зависят от особенностей разных типов читателей;
4) содержание проекции текста читателя, обусловленное наличием/отсутствием комментария переводчика, связано с личностными особенностями читателей разных типов.

Научная новизна исследования состоит в комплексно-ориентированном подходе к рассмотрению взаимодействия переводчика и читателя: 1) предпринята попытка изучения понимания, как конструктивного процесса, происходящего на фоне трудностей, спрогнозированных переводчиком; 2) комментарий переводчика рассматривается через призму читательского восприятия в ракурсе взаимодействия автора, переводчика и читателя; 3)

специфика построения проекции текста читателем увязывается с его личностными особенностями и находит воплощение в предложенной типологии читателя переводных текстов.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в психолингвистическую трактовку процессов взаимодействия слова и текста и основывается на акцентировании внимания на взаимодействии переводчика и читателя в модели «автор – проекция текста автора – тело текста – переводчик – проекция текста переводчика – читатель – проекция текста читателя».

Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов исследования для решения ряда психолингвистических, лингвистических и переводческих задач. Полученные результаты будут способствовать обнаруживанию универсальных механизмов, лежащих в основе взаимодействия переводчика и читателя. Результаты диссертационной работы представляют интерес для дальнейших исследований комментариев и особенностей идентификации комментируемого слова читателями разных социальных групп, разного возраста, пола и т.д. Основные выводы и результаты могут быть использованы в спецкурсах и в курсах лекций по проблемам психолингвистики, теории перевода, в практических курсах филологических дисциплин при обучении анализу вертикального контекста, предшествующему анализу лингвостилистическому.

Основные положения исследования прошли **апробацию** в виде докладов на международных научно-практических конференциях: Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» (Пенза, 15–19 мая 2001 г.); межвузовской научной-практической конференции «Научно-лингвистические и психолого-педагогические проблемы преподавания иностранного языка» (Тверь, 2003 г.); международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 1–2 апреля 2011 г.); «Terra Linguae» (Тверь, ТвГУ, 2011 г.); на межвузовской

научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 6–7 апреля 2012 г.); «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 5–6 апреля 2013 г.). Результаты исследования отражены в 14 статьях общим объёмом 4,19 п.л., 3 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях.

Структура диссертации определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. КОММЕНТАРИИ КАК ОРГАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1.1. Комментарии: понятие, назначение, типологии

История создания комментариев уходит в далекое прошлое. Когда в старину переписчик какого-либо произведения чего-то не понимал, он либо пропускал непонятное для него место, либо пояснял на полях или в самом тексте затруднившее его слово. Греческое слово «глосса» (комментарий) обозначает «толкование непонятного места». Со временем «глоссы» стали более обширными, их выносили в особые приложения и они превратились в истолкование замысла автора, комментирование библейских текстов и т.д. и т.п.

Долгое время комментирование не имело научной базы и выполнялось любителями. Так, в XIX веке комментирование произведений А.С. Пушкина было не работой текстолога, а скорее чем-то вроде общественной работы поклонников творчества поэта. Первым научно-комментированным изданием нового времени считается издание А.С. Пушкина под редакцией П.В. Анненкова, который был дилетантом, и это обстоятельство отразилось на характере его комментаторской и редакторской деятельности.

Позднее принципы комментирования художественного текста разрабатывали и составляли Б.В. Томашевский [1996], Л.В. Щерба [1974], В.В. Виноградов [2004], Ю.М. Лотман [1995], С.А. Рейсер [1978], И.П. Слесарёва [2010] и др.

Многие исследователи считают, что комментарии к художественному тексту нуждаются в регулярном пересмотре как в содержательном плане, так и в отношении формы представления материала. Так, Л.В. Бармина [2011] разработала рекомендации по исправлению комментариев к переизданию романов русских классиков, поскольку ряд реалий описываемой эпохи

неизвестен современному читателю. Подчёркивая необходимость пересмотра комментариев, С.А. Рейсер [1978] справедливо утверждает, что комментарий «не представляет собой чего-то неизменного, стандартного, сделанного раз и навсегда. Каждая эпоха, может быть, даже каждое поколение требует иного комментария» [Рейсер 1978: 157].

Целью комментария родной и переводной литературы является объяснение читателю смысла и значения непонятного. Комментарий направлен на читателя. Ю.М. Лотман [1995] определяет исследовательский комментарий филолога как научный текст, который помогает размышлениям читателя, но не заменяет их. Автор считает, что без читательского интереса к произведению, без определённого уровня знания, без культуры мысли и эмоций «комментарий мёртв», поскольку он может приблизить читателя к смысловой жизни текста, но не может заменить размышлений читателя.

О том же говорит и М.Л. Гаспаров [2004], указывая, что перевод только начинает интерпретацию текста, а комментарий её продолжает, выполняя просветительскую функцию. Не стоит думать, что читатель будет стараться истолковать сам то, что требует комментария. По мнению автора, по комментарию люди учатся охотнее, чем по учебнику. Нужда в комментариях чувствуется, поскольку комментарий – это перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств, а также это «продолжение словаря: словарь говорит нам, чем какое-то иноязычное слово похоже на русские слова, а комментарий уточняет, чем оно непохоже» [Гаспаров 2004: 72]. Культурологическая функция комментария направлена на воспроизведение намерения текста автора, на сохранение его культурологического контекста.

Но в начале своего становления перевод рассматривался лишь в литературоведческом аспекте. Главной проблемой на этом этапе были вопросы переводимости, а культурная составляющая тогда ещё не признавалась неотъемлемым условием успешного перевода. Учёт фоновых знаний адресата

не являлся признаком переводческой компетенции, хотя фоновые знания представляют собой «реальные сведения о действительности той стороны и того народа, о котором идёт речь в переводе» [Фёдоров 1983: 120].

Первые попытки анализа текстов перевода в культурологическом аспекте были предприняты в рамках этнопсихолингвистики. Суть культурологической концепции перевода состоит в том, что текст перевода рассматривается как «репрезентант оригинала в условиях другого языка и другой культуры» [Чернов 1996: 116], а переводчик является центральным звеном межкультурной коммуникации, он старается передать не только содержание, но и эмоциональное впечатление от оригинала через построение собственной проекции текста.

О проблеме сохранения коммуникативного намерения автора в переводе говорит и известный итальянский семиолог У. Эко [2006], подчёркивая, что перевод, представляя собой одну из форм истолкования, должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести намерения текста, т.е. то, что текст говорит или на что он намекает с помощью языка, на котором он выражен, и культурного контекста, в котором появился. Переводить, по мнению У. Эко, означает понять внутреннюю структуру данного текста на языке и построить такую текстуальную систему, которая может оказать на читателя аналогичное воздействие, к которому стремился текст оригинала. Утверждая, что любой перевод предполагает окарины неверности вокруг ядра безусловной верности, У. Эко подчёркивает, что место нахождения этого ядра зависит только от решения переводчика, от его целей и задач [Эко 2006: 17]. Только «под знаком переговоров», по мнению автора, выступают такие концепции, как эквивалентность, приверженность цели, верность или инициатива переводчика. Когда адекватный перевод оказывается невозможным, в переговорах автор может уполномочить переводчика пропустить слово или целую фразу, если эта потеря будет «несущественна» для текста. У.Эко признаётся, что сам активно

сотрудничает с переводчиками своих текстов, поскольку считает это сотрудничество весьма плодотворным для читателей текста перевода [Там же, 110–120].

Интересно заметить, что У.Эко называет переводческий комментарий ultima ratio переводчика, подтверждающим его поражение, и считает, что переводчику «следует противиться искушению чрезмерно помогать тексту…» [Там же, 127]. Однако он приводит пример затруднений при переводе своих собственных произведений, выполненных разными переводчиками на разные языки из-за наличия в тексте слов, существующих только в итальянской традиции. Французский переводчик отыскал в своем языке превосходные эквиваленты, в испанском переводе переводчик сохранил перечень, переведя несколько слов, а в остальном «приноровил» итальянские названия к своему языку, как будто это неологизмы. По мнению Эко, решение было ясным и приемлемым для столь близких языков, но при переводе на английский язык возникла проблема, так как нельзя было оставлять итальянские названия, лишённые для англоязычного читателя всяких коннотаций. Таким образом, в результате переговоров переводчика с автором было решено сделать «перед лицом непереводимого» «коварные учёные отсылки», так как «будь их одной больше или меньше, это ничего не изменило бы» [Там же, 123]. Хочется также обратить внимание на то, что У. Эко высоко ценит переводы своих произведений, выполненные Е. Костюкович, которая удачно использовала различные типы комментариев.

Комментарий элиминирует лакуну путем расширения информационной структуры текста. «Элементы вербального и невербального аспектов чужой культуры, вызывающие реакции недооценки, неприятия, несогласия, непонимания, обозначаются в этнопсихолингвистике термином *лакуна*, точнее культурологическая лакуна» [Сорокин 1987: 91]. Под лакунами при восприятии иноязычного текста понимается также «всё то, что в инокультурном тексте

реципиент не понимает, что является для него странным и требует интерпретации» [Сорокин 1988: 10]. Вслед за Ю.А. Сорокиным, мы понимаем лакуну как фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное, странное. В исследованиях разных авторов лакуна обозначалась как «смысловая скважина» [Жинкин 1982], «пустое место» [Dagut 1978] и т.д. В нашем исследовании, вслед за Н.Л. Галеевой [1997], мы обозначаем лакуну как «тёмное место», что, на наш взгляд, наиболее точно подчёркивает случаи неясности и непонимания в тексте.

Стоит отметить, что ряд исследователей настаивает на сохранении в тексте некоторых неясностей, утверждая, что подобное чтение способствует появлению новых идей и концепций. Так, А.И. Рейтблат [2004] указывает на тот факт, что в народной среде именно непонятность текста считалась показателем его глубины и высоких достоинств. Исследователь напоминает слова, сказанные слугой И.А. Гончарову: «Если всё понимать – то и читать не нужно: что тут занятного!» (цит. по: [Рейтблат 2004]). Трудно не согласиться с тем, что «любой текст предполагает определённую степень недосказанности, иногда неоднозначности, оставляющую простор для размышлений и воображения читателя» [Розина 1988: 267].

О том же говорит и В.П. Белянин [2000], утверждая, что у любого художественного текста, действительно, «существует столько же интерпретаций, сколько читателей» [Белянин 2000: 54]. Вопрос, однако, заключается в том, «насколько адекватной будет та или иная интерпретация авторскому смыслу текста» [Там же, 54]. Комментарий же читается вместе с текстом, дополняя и продолжая его культурный контекст.

Но в связи с этим, возникает вопрос о границах комментирования, поскольку «пределы реального комментария безграничны, и он легко может быть доведён до абсурда» [Рейсер 1978: 159]. А.С. Орешников [1988] предлагает решить этот вопрос созданием «универсального комментария к

некоторому множеству текстов» [Орешников 1988: 268]. Каждая статья такого комментария, по мнению исследователя, «должна объяснять как можно большее количество контекстов, в которых отмечено то или иное непонятное слово» [Там же, 268]. Как отмечает автор, для создания комментария такого типа необходим полный алфавитный словник с документацией, включающей указания на специальные исследования о слове, упоминание о нём в научной литературе, энциклопедиях, словарях и т.д. и т.п. Предлагая разработку статьи комментариев в виде «автономных клаузул», содержащих сведения об этимологии и истории слова, А.С. Орешников утверждает, что «реальный универсальный комментарий по своей структуре должен иметь отличия от даже совершенного энциклопедического текста» [Там же, 271].

На наш взгляд, трудно представить практическое создание и использование такого «универсального словаря». Поэтому, вслед за С.А. Рейсером [1978], мы считаем, что проблема определения границ каждого комментария решается самим комментатором, который берёт на себя ответственность за его составление.

К основным требованиям, предъявляемым к комментариям, С.А. Рейсер [1978] относит строгость отбора материала, входящего в комментарий, и зависимость типа и характера комментария от читательского направления издания. Действительно, академическое издание, рассчитанное на самого квалифицированного читателя, требует комментария иного объёма и характера, чем издание для начинающего читателя. «Тяжёлой болезнью», с которой нужно бороться, исследователь называет «гипертрофию» комментария, а именно его излишество и перегруженность материалами, непосредственно не необходимыми. С.А. Рейсер утверждает, что комментарий для современного читателя – это «не придаток к изданию, не нечто терпимое, а норма серьёзного издания, рассчитанного на самые разнообразные круги читателей» [Рейсер 1978: 176].

Необходимо признать, что удачный комментарий является неотъемлемым компонентом переводного произведения, так как он влияет на восприятие текста читателем и помогает ему точнее и глубже воспринимать то, что хотел сказать автор оригинала, поясняет «тёмные места». Т.Е. Евсеева [2007] отмечает, что комментарии делают текст более «живым» и показывают связь произведения с другой эпохой и культурой. Автор рассматривает комментарий как способ «прагматической адаптации», который, заполняя лакуны, направлен на создание когерентного произведения. Переводчик, прагматически адаптируя переводной текст к иной культуре при помощи комментария, создаёт ту коммуникативную ситуацию, на которую рассчитывал автор оригинала [Там же].

В работе [Розина 1988] комментарий трактуется как триаспектная целостность: комментарий – это особый тип словаря, особый тип текста и, наконец, это именно комментарий. Во-первых, комментарий организован как словарь. Поскольку языковые единицы в тексте принадлежат разным семантическим классам, комментарий представляет собой «универсальный словарь, несовпадающий по содержанию представленной в нём информации ни с одним из существующих типов словарей» [Там же, 264]. В отличие от словаря, который выбирает из текстов общеупотребительное, типичное, частотное, комментарий выбирает из комментируемого текста «индивидуальное, малоупотребительное, нетипичное для определённого круга носителей языка» [Там же, 261]. Вся информация в комментарии-словаре «предназначена для понимания только одного, комментируемого текста» [Там же, 264]. Во-вторых, в качестве комментария комментарий имеет дело с культурно-значимыми единицами текста и тем самым покрывает разницу между культурами. Поясняя незнакомые читателю реалии, указывая неизвестные ему значения слов, расшифровывая символы и аллюзии, «комментарий – осознаёт или не осознаёт

это его автор – выделяет культурно значимые компоненты текста» [Там же, 266]. В-третьих, комментарий трактует не только языковые или культурные единицы текста, но и весь текст, как целое, и сам при этом выступает в качестве метатекста, который дополняет «подтекст комментируемого текста, преломляя его через призму сознания комментатора и читателя определённой эпохи» [Там же, 266]. Как и любой метатекст, переводческий комментарий по отношению к художественному произведению – вторичный текст. Вторичность комментария проявляется в том, что «такого рода тексты создаются по поводу некоторого прототекста и находятся с ним в референтных отношениях» [Остапенко 2014: 125].

Как структурная часть художественного переводного произведения, образующая целостное, гармоничное единство с ним, комментарий характеризуется высокой степенью неавтономности, так как он принадлежит тексту, служит ему и читателю.

Выполняя лингво-культурологическую функцию, расширяя кругозор читателя, переводческий комментарий не всегда предстаёт как объективно-культурологический и часто навязывает личную оценку переводчика национально-бытовой действительности. Такой субъективный комментарий является весьма тенденциозным и может быть оспорен.

Так, французский переводчик «Записок охотника» И.С. Тургенева не ограничивается комментированием транскрибированной лексики. Целый ряд слов и предложений (около 80) снабжены личной оценкой переводчика. Ниже предлагаются примеры субъективного комментария (перевод наш – Н.З.):

ПЛЮНУЛ НА ЗЕМЛЮ – *В России мужик плюется, чтобы показать своё презрение;*

МАША – *уменьшительное (скорее вульгарное) имя Марии.*

При описании портрета Маши, переводчик сделал комментарий:

некоторые черты портрета Маши не напоминают ли мадам Виардо…? (переводчик-комментатор Генри Монго).

Субъективные комментарии вмешиваются в восприятие текста читателем, навязывают ему переводческое видение, что, на наш взгляд, является глубоко непрофессиональным. Субъективные рассуждения переводчика могут иметь место в предисловии, послесловии, т.е. в других видах метакоммуникативной деятельности, но никак не в комментариях, поскольку комментарий составляет целостное, гармоничное единство с переводом текста и никак не может «затмевать автора».

Существуют различные подходы к классификации комментариев. Все сообщаемые комментарием сведения можно поделить на две части: сведения, предоставляемые редакционно-издательскими комментариями, которые относятся ко всему тексту и оформлены в виде статьи, и лингвистический или реальный комментарий, который берёт на себя ответственность за конкретные детали текста. В настоящем исследовании рассматривается лингвистический комментарий переводчика.

Интересно отметить, что в отличие от французской или английской, в русской традиции существует разница между комментариями и примечаниями, которые также толкуют конкретные места в тексте. Считается, что объём понятия «комментарий» гораздо шире, нежели объём понятия «примечание» т.е., «если примечание ограничивается только справкой, то комментарий обязательно добавляет к любой справке толкование сообщаемых сведений под углом зрения раскрытия авторского замысла, авторской концепции произведения» [Мильчин 1999: 467].

Задача «примечания» дать «справку, ссылку на источник, привести перевод иноязычного текста, сообщить дополнительный факт» [Базылев 2007: 9]. По месту расположения относительно исходного текста примечания делятся на внутритекстовые, подстрочные и затекстовые. Внутритекстовые примечания

расположены среди строк основного текста и являются наименее объёмными по сравнению с двумя другими группами. Подстрочные примечания оформлены в виде сноски, находящейся внизу страницы под строками исходного текста и связанной с ним определённым знаком. Затекстовые примечания вынесены за пределы главы или за рамки всего текста и также связаны с авторским текстом при помощи знака. Подстрочные и затекстовые примечания в отличие от внутритекстовых не затрудняют процесс восприятия авторского текста в силу своего положения и содержат более развёрнутую информацию о том или ином предмете или явлении.

Сложность использования терминов «комментарий» и «примечание» обусловлена тем, что в переводных художественных произведениях применяются оба термина, но анализ примеров позволяет прийти к выводу о том, что разграничение значимо только в издательской теории, а на практике происходит их смешение. Стоит отметить, что даже в издательской практике не всегда получается разграничить по существу и территориально эти два понятия, поскольку для современной редакционной практики слова «примечание» и «комментарий» являются синонимами [Рейсер 1978: 143].

В нашей работе под словом «комментарий» мы будем подразумевать комментарии и затекстовые примечания переводчика, поскольку «предмет пояснения у них одного типа… и граница между ними зыбка» [Мильчин 1999: 487]. Форма и структура их также одинакова: они имеют вид отдельных справок, «организованных по принципу словаря: опорное/заглавное слово (фрагмент основного текста) и нечто о нём: его толкование при помощи других слов…» [Беляева 2009: 18]. Слова в таком словаре обычно размещаются в порядке их появления в художественном тексте. Статьи комментария не связаны между собой сюжетно, их возможная связь опосредована основным текстом.

В зависимости от освещаемых аспектов разные исследователи выделяют разные типы комментариев (иногда под разными названиями): историко-текстовой или библиографический, редакционно-издательский или текстолого-библиографический, историко-литературный, лингвистический или словарный, реальный или исторический и т.п. Так, в исследовании Д.И. Остапенко [2014] выделено пять групп примечаний согласно объектам комментирования, которые представляют собой потенциальные лакуны для представителей принимающей лингвокультуры: примечания географического, исторического, культурологического, науковедческого и лингвистического типов. По мнению автора, цель и «функциональная доминанта переводческого примечания во многом детерминируют их структурные, содержательные и стилистические свойства» [Остапенко 2014: 171]. В случае каждого конкретного литературного произведения количественное соотношение примечаний, принадлежащих к разным группам, варьируется, поскольку доминантный фокус обусловлен самим произведением, а переводчик следует за авторским текстом.

Нередко разные типы комментариев объединяются в одном издании, сливаясь в комплексный единый комментарий. Соотношение их зависит от характера комментируемого текста и от назначения издания, так что «вне вопроса о читательском назначении издания спор о границах комментирования беспредметен» [Рейсер 1978: 160].

Таким образом, содержательная сторона комментария создаётся с учетом особенностей той аудитории, на которую рассчитан текст перевода в принимающей лингвокультуре. Обратим внимание на то, что любой переводной текст a priori лакунарен, поскольку обладает вертикальным контекстом, который представляет собой объективно заложенную в нём историко-филологическую информацию [Ахманова, Гюббенет 1977: 49]. Вертикальный контекст включает реалии, цитаты, идиоматику, аллюзии и может быть расшифрован на основе фоновых знаний, отсутствующих у представителей

принимающей лингвокультуры. Переводчику следует принимать во внимание фактор адресата [Арутюнова 1981]. Иными словами, содержательная сторона комментария должна соответствовать уровню подготовки реципиентов и избегать «сведений малопонятных, недоступных, сложных для читателя, которому адресовано издание…» [Мильчин 1999: 474].

С одной стороны, отсутствие комментариев к «тёмным местам» в тексте и «малопонятные сведения» в комментариях часто вызывают у многих учёных негативную оценку. Так, некоторые исследователи [Казакова 2006; Коробейникова 2006; Карпухина 2013] указывают на существование такого явления, как нулевой или «отсутствующий» комментарий, т.е. отсутствие пояснения к некоторым малопонятным единицам авторского текста. Трактуя собственно нулевой комментарий как результат игнорирования переводчиком лакунизированных элементов текста, Н.Н. Коробейникова [2006] определяет также и «искажённые», «неудачные», «избыточные» комментарии как «отсутствующие», поскольку они являются «нерелевантными для читателя» [Коробейникова 2006: 13]. Как справедливо отмечает Д.И. Остапенко [2014], нулевой комментарий, влекущий за собой полное или частичное непонимание и неадекватную интерпретацию текста читателями, может быть обусловлен ненадлежащим уровнем профессиональной подготовки переводчика, позицией редактора, политикой издательства, дефицитом времени и т.д. Вследствие этого перевод оказывается не совсем удачным, «поскольку не учитывался экстралингвистический фон литературного произведения» [Остапенко 2014: 36].

С другой стороны, объяснения переводчика в тексте не должны быть избыточными и отсутствие комментария не всегда носит отрицательный характер. Например, отсутствие примечаний переводчика, когда в них нет необходимости, не является следствием некачественного перевода. Успешность

реализации функции комментария зависит от учета степени эрудированности предполагаемых читателей.

Так, в сборнике английской поэзии XX века отсутствие комментариев к некоторым географическим названиям, историческим и мифологическим именам оправдано, поскольку во вступительной статье Л. Аринштейн [1984] специально оговаривает, что сборник рассчитан на высокий читательский уровень. Таким образом, наличие/отсутствие комментариев переводчика обусловлено контекстом самого произведения, целевой аудиторией и профессиональным выбором переводчика нужной стратегии.

Исследуя содержательную сторону комментария, Т.А. Казакова [2006] предложила классификацию, в которой представлены пять типов комментариев. Согласно данной классификации, самым простейшим является словарный комментарий, совпадающий по форме и содержанию со статьёй двуязычного словаря. Другие комментарии данной классификации либо носят поясняющий характер, либо содержат дополняющую информацию, либо включают сопоставление языков. Некоторые комментарии даже затрудняют восприятие переводного текста, создавая мнимое, неоправданное семиотическое осложнение, т.е. уводят читателя в направлении, заданном переводчиком [Казакова 2006: 146–147].

Когнитивно-семиотическая типология комментариев представлена в исследованиях Н.Н. Коробейниковой [2006] четырьмя основными типами: энциклопедическим, идиолектным, интертекстуальным и уже упомянутым «отсутствующим» комментариями, которые выделяются в зависимости от глубины семантизации лакунизированных единиц. Типология составлена с учётом глубины погружения в когнитивную структуру и с учётом принципа иконичности: каждый последующий тип комментария (за исключением последнего типа) характеризуются увеличением информации о

комментируемом слове и, следовательно, формированием более развёрнутой ментальной структуры.

Существует классификация комментариев и по адресанту. И.В. Арнольд [1999] выделяет «прямой» комментарий, принадлежащий самому автору (авторский комментарий или автокомментарий); «изображённый» комментарий, передаваемый персонажу и «комментарий со сменой адресанта», предлагаемый специалистом-переводчиком, лингвистом, литературоведом [Арнольд 1999: 20]. Ж. Женетт [1998] также классифицирует комментарий по адресанту, однако, он расширяет возможности анализа комментария, изучая «режимы» адресантов. И.С. Беляева [2009], трактуя постмодернистский комментарий с точки зрения адресанта комментария к толкуемому им основному тексту, исследует фикциональность комментария, как свойство, связанное с фигурой комментатора и характеризуемое игровым качеством этого отношения. В исследовании рассматриваются комментатор-автор, комментатор-исследователь и комментатор-персонаж, т.е. фиктивный комментатор. И.С. Беляева доказывает, что характеристики адресанта определяют тип фикциональности комментария.

Действительно, от адресанта комментария зависит содержание комментария и, в целом, сам подход к комментированию. С.Г. Тер-Минасова [2000] выделяет два подхода к комментированию, которые условно можно назвать энциклопедическим и творческим. Если энциклопедический подход ограничивается сообщением энциклопедических сведений об упомянутых явлениях и фактах, не связывая при этом эти сведения с текстом, то творческий (исследовательский) подход не сводится к механическому перенесению данных из справочников и требует от комментатора исследовательского подхода к объяснению того или иного факта. Творческий комментарий должен иметь лингвострановедческий и контекстуально-ориентированный характеры, т.е. не только раскрывать национальные особенности восприятия внеязыкового факта,

но и указывать на ту роль, которую этот факт играет в данном произведении. Сравнив разные комментарии к одному и тому же слову, С.Г. Тер-Минасова доказала, что наиболее удачным является сочетание обоих моментов: собственно-энциклопедического и контекстуально-ориентированного, углубляющего образ и расширяющего связь между реалиями и идейно-художественным замыслом автора [Тер-Минасова 2000: 97].

По мнению Ю.М. Лотмана [1995], никакой читатель не имеет права претендовать на сколь-либо полное понимание произведения, если он пренебрёг расшифровкой намёков, если не знает реалий быта, не чувствует игры автора. Все пояснения Ю.М. Лотман разделил на текстуальные, которые объясняют текст как таковой, и концепционные, в которых исследователь даёт разного рода интерпретации текста. Первый вид пояснений даётся в комментариях, второй – в теоретических исследованиях, статьях, монографиях.

Соглашаясь с тем, что комментарии помогают носителям другой культуры лучше понять произведение, В.Б. Кашкин [2008] подчёркивает, что они во многом объясняют трудности и неоднозначные решения, которые принимает переводчик, и условно разделяются исследователем на национально-культорологические, необходимые для понимания тех или иных реалий, связанных с особенностями быта и жизни, и лингвистические, призванные восполнять недостаточную языковую компетенцию реципиента.

Как структурная часть художественного переводного произведения комментарий может подразделяться на собственно «переводческий» комментарий, восполняющий пробел в знаниях читателя; комментарий идеологического характера, навязывающий личную оценку переводчика; комментарий просветительского характера, расширяющий кругозор читателя [Евсеева 2007: 10–17].

Трактуя комментарий как дополнительный текст, созданный переводчиком для читателя, мы пришли к выводу, что комментарии можно

рассматривать как результат прогнозирования будущего восприятия текста перевода, ориентированного на любознательного читателя. Как и результат любого действия, переводческий комментарий может быть успешным или неуспешным в зависимости от степени достижения заданной цели. Поскольку комментарий составляется переводчиком для читателя, то и оценивать его результативность может адресат комментария, т.е. читатель.

Мы провели анкетирование читателей с целью установить, отвечает ли комментарий переводчика их запросам. В качестве наших читателей выступили студенты факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. В анкетировании приняли участие 53 студента, носители учебного билингвизма, изучающие французский и английский языки.

В качестве материала студентам было предложено 15 текстов, переводов из современной художественной литературы с комментариями к выделенным словам. Анкета включала 3 вопроса, направленные на выявление читательской оценки переводческого комментария:

- нужен / не нужен комментарий в данном тексте;
- комментарий является достаточным / недостаточным;
- комментарий помогает / мешает восприятию данного текста.

Студентов Тверского государственного университета, изучающих иностранные языки, невозможно охарактеризовать как читателей «нулевой степени» (термин У. Эко), т.е. читателей, которые ничего не знают, ничем не интересуются. Анализ полученных анкет позволяет утверждать, что большинство комментариев (61%) нужны читателю, помогают пониманию текста. Мнения читателей менялись в зависимости от выделенных и прокомментированных переводчиком слов (в работе комментируемые переводчиком слова употребляются с заглавной буквы). Все читатели (98%) признали неуместными многочисленные комментарии, загромождающие текст.

Так, в романе Б. Обера «Укус мрака» в одном предложении «каждый является СЮЗЕРНОМ какого-то домена, а мы – их СЕРВЫ» переводчик А. Серебрянникова прокомментировала СЮЗЕРН как «феодал – верховный сеньор территории», а СЕРВЫ как «полукрепостные крестьяне в средневековой Западной Европе». По мнению читателей, комментирование переводчиком нескольких слов в одном предложении затрудняет восприятие текста. Многочисленные комментарии «загромождают» текст и «отвлекают» читателя.

Большинство студентов (86%) определили 2 комментария как «бесполезные», так как комментируемые слова (далее – КС) не вызывали трудности в понимании. Переводчик выделил и прокомментировал слова ФЭН ШУЙ, АНТИДОТ, которые не являются незнакомыми для современного читателя. Использование «бесполезных» комментариев затрудняет восприятие текста, так как переводческая стратегия комментирования может быть оправдана только там, где перевод невозможен. Таким образом, переводчик не справился с задачей выделения «тёмных мест» для будущего читателя.

80% студентов оценили некоторые комментарии переводчиков как «недостаточные», «неполные». Эти комментарии, чаще всего односложные, дают очень краткое представление о КС, помогают понять текст, но не удовлетворяют любопытного читателя (например, КИШЛОРЕН – запеканка; БИБОП – танец). Так, любому читателю было бы интересно знать, о какой запеканке идёт речь в романе Д. Фонкиноса «Идиотизм наизнанку», если главная героиня купила «помидоры, чтобы приготовить КИШЛОРЕН» [Фонкинос 2008]. Односложные комментарии равноценны эквиваленту, который было бы предпочтительнее употребить в тексте, «не отвлекая» читателя комментарием. КС в тексте комментария «отправляет» читателя к информации, которая не удовлетворяет любознательного читателя.

Студенты особо отметили подробные комментарии, которые дают полное представление о КС. Так, комментарии переводчика С. Лосева к роману А.

Гидель «Коко Шанель» были охарактеризованы как «полные» и «познавательные». Благодаря «полным» комментариям переводчика к словам, обозначающим наряды и материал, из которого они сделаны, читатель узнал, что такое «редингот», «амазонка», «бранденбуры», «органди». «Полные» комментарии знакомят читателя с реалиями иноязычной культуры и дают дополнительную информацию, которая способствует пониманию деталей, так или иначе углубляющих понимание текста. Результаты анализа анкетирования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Комментарии переводчиков в восприятии читателей

Характеристика комментариев	Количество комментариев, %
полные	61
недостаточные	13
бесполезные	13
затрудняющие восприятие	13

Таким образом, рассматривая переводческий комментарий как дополнительный текст, созданный для читателя, мы выделили бесполезные комментарии, полные, недостаточные и комментарии, затрудняющие восприятие. Существование некоторых комментариев неоправдано, а только мешает читателю. Создание комментариев обязывает переводчика знать и учитывать «тёмные места» для восприятия читателя принимающей культуры с целью удовлетворить потребности читателя любого уровня в получении информации о КС.

1.2. Мета- и гипертекстовой принцип организации информации в тексте с комментарием

Комментарий переводчика представляет собой текст в тексте перевода, т.е. метатекст. В последнее время метатекст является объектом исследования в

теории литературы, герменевтике, текстологии, психолингвистике и т.д. В литературоведении одним из первых о метатекстуальности как о самостоятельной проблеме писал Ю.М. Лотман [1999]. Но появление термина «метатекст» обычно связывают с работой А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [1978]. В исследовании А. Вежбицкая рассматривает метатекст как реконструирующийся текст из разрозненных метаэлементов, так или иначе присутствующих в произведении. Исследование метатекстовых элементов, выполняющих структурирующую и коммуникативную функции в тексте получило развитие в работах М.В. Ляпон [1986], А.Н. Ростовой [2000], Н.П. Перфильевой [2006] и др.

Во многих определениях метатекста как «текста о тексте» отмечается в первую очередь его вторичность, предполагающую некоторый объект описания, который в исследовательских работах имеет разные наименования: референт, прототекст, основной, базовый, исходный, материнский текст. Метатекстовая часть произведения характеризуется как вторичная, внешняя, обрамляющая и т.д. На наш взгляд, текст переводчика с комментарием имеет некоторые признаки метатекстовой организации информации: перевод текста автора, т.е. текст переводчика представляет собой исходный текст (референт, прототекст и т.д.), а переводческий комментарий, являясь вторичным по отношению к исходному тексту, представляет собой метатекстовой компонент произведения. Метатекст комментария можно рассматривать как часть текста, которая обладает свойствами связности, цельности по отношению к исходному тексту. Метатекст комментария, существующий на правах определённой позиции в исходном тексте, обладает также способностью к сообщению дополнительной информации, связанной с исходным текстом.

Рассматривая метатекст как автономный и эксплицитный компонент постмодернистского нарратива, Е.Е. Баринова [2008] выделила основные его функции: метанарративную, коммуникативную, комментирующую,

структурирующую. Все функции, кроме последней, применимы к организации информации в тексте перевода с комментарием. Структурирующая функция предполагает произвольное расположение метатекста внутри исходного текста, в то время как комментарий переводчика не может разрывать исходный текст и занимает «внешнее» положение по отношению к нему (см. рис.1).

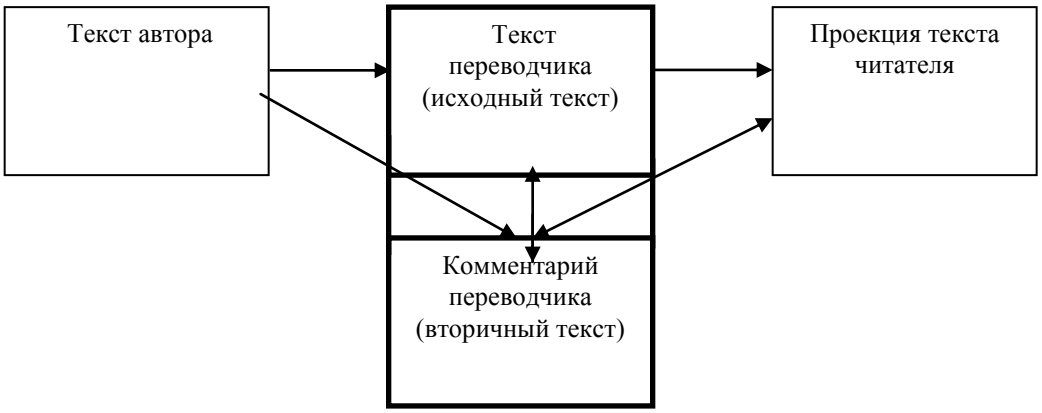


Рис.1. Метатекстовая организация информации текста перевода

В связи с выявлением природы вторичности метатекста рассматривается явление интертекстуальности, которое ему свойственно. Термин «интертекстуальность» был введён в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой [Кристева 1995: 102] для обозначения общего свойства текстов ссылаться друг на друга. В работах Р. Барта, Н.А. Фатеевой, Н.Ф. Ковалёвой [Барт 1987; Фатеева 2000, 2003; Ковалева 2004] проблема интертекстуальности текста получила широкое развитие, поскольку любой текст взаимосвязан с предыдущими. Однако метатекстуальность предполагает взаимодействие со-природных (исходный текст и вторичный текст), а не чужих текстов. Между исходным и вторичным текстом выстраиваются преимущественно двусторонние связи. Метатекст предлагает обращение к будущему читателю: вопросы, советы, пожелания, инструкции и т.д., что не может не отразиться на восприятии произведения конкретным читателем. Вторичный текст

переводчика (комментарий) также содержит дополнительную информацию для своего будущего читателя.

Исследуя внутрикнижный комментарий переводчика к оригинальному переводному тексту, Н.Н. Коробейникова [2006] отметила, что комментарий выполняет свою основную функцию обеспечения понимания текста благодаря своим особым конгитивно-семиотическим и интертекстуальным свойствам. Как отмечает автор, структурно-содержательная организация комментария обусловлена рядом факторов: индивидуальным своеобразием личности писателя, особенностями языковой личности адресата и особенностями языковой личности посредника-комментатора. Н.Н. Коробейникова определяет статус комментария как нетипичного вторичного текста, поскольку формально и функционально комментарий представляет собой метатекст («текст в тексте» и «текст о тексте»). Метатекстуальность комментария открывает многоканальность восприятия основного текста и снимает линейность его прочтения.

Последнее качество является одним из признаков гипертекста, принцип которого предлагается распространить и на свод комментариев переводчика, объединённых в структурном отношении с текстом произведения, а в содержательном плане – с целостностью художественного произведения и единым замыслом переводчика-комментатора.

Впервые термин «гипертекст» введён в обращение Т. Нельсоном в 1965 году для обозначения текста «ветвящегося или выполняющего действия по запросу». Ряд авторов проводит аналогии между «гипертекстуальностью» и «интертекстуальностью», которые частично пересекаются, но не совпадают. Выводы исследований Е.В. Зыковой [2006] и А.В. Протченко [2006] позволяют разграничить эти понятия на основании того, что интертекстуальность подразумевает нахождение текста в тексте, а гипертекстуальность – нахождение текста во внешнем пространстве по

отношению к другому тексту. Для интертекстуальных текстов необходимы определённые фоновые знания читателя, а гипертекстуальность характеризуется наличием гипертекстовых ссылок, к которым читатель может обратиться в любой момент.

Ярко выраженным примером гипертекста является веб-страница в сети. Наличие внутренних корреляционных ссылок в переводных текстах с комментариями переводчика позволяет применить к ним понятие гипертекста в более широком его толковании. Являясь одним из актуальных современных направлений в лингвистике, общенаучная метафора гипертекста интенсивно разрабатывается в исследованиях, объектом которых является язык, а именно в лингвопрагматическом аспекте [Клочкова 2009; Ковалева 2004; Стройков 2010], функционально-стилистическом [Махов 2010; Зыкова 2006; Протченко 2006; Воробьёва 2011], лингвосемиотическом [Дедова 2001], лингвокогнитивном [Сергиенко 2008], лингвокультурологическом [Лутовинова 2009], психолингвистическом [Залевская 2012, 2013а, 2013б; Беляева 2010]. В основном исследуется электронный гипертекст, но гипертекстовой принцип организации информации можно рассматривать и в связи с печатными текстами.

Диссертационное исследование Ж.А. Никифоровой [2011], посвящённое самоорганизации газетного гипертекста, доказывает, что газетный текст можно назвать гипертекстом, так как он состоит из текстовых блоков, связь между которыми осуществляется с помощью заголовков статей, названий рубрик и разделов. Блоки газетного гипертекста связаны друг с другом и в то же время ограничены друг от друга заключённым в них содержанием. В семантическом пространстве гипертекста газеты Ж.А. Никифорова выделила симультанную модель, не учитывающую расположение заглавий, и сукцессивную модель, основанную на связи семантики и пространственного расположения заголовков. Таким образом, основные характеристики, структурные элементы и

композиционно-графическая текстовая модель подтверждает гипертекстовую особенность газетного текста. Стоит отметить, что в разных случаях трактовка гипертекста может приобретать различные оттенки и рассматриваться как средство, метод, форма и т.д.

Вслед за Ж.А.Никифоровой, мы придерживаемся трактовки гипертекста как текста, «части которого имеют “сверхсвязи”, т. е. соединены друг с другом не линейным отношением в одномерном пространстве (отношением следования как в обычном тексте естественного языка), а множеством различных отношений, представляемых в многомерном пространстве» [Там же].

Исследования А.А. Залевской [2012] подтверждают, что идея электронного гипертекста является вторичной по отношению к «индивидуальному гипертексту», которая возникла в результате попытки «имитировать принципы работы мозга человека для повышения эффективности обмена информацией» [Залевская 2012: 56]. Ряд существенных признаков гипертекста, выделенных А.А. Залевской, таких как наличие ссылки, связь между узлами сети, т.е. «обеспечение быстрого доступа к нужным для пользователя узлам», можно наблюдать и в текстах, информация в которых организована переводчиком таким образом, чтобы читатель имел возможность доступа к дополнительной информации, необходимой для понимания. Последнее качество является условием успешности адаптации текста переводчика для читателя.

На наш взгляд, текст переводчика с комментарием строится по принципу гипертекстовой организации информации. Комментарий как структурный компонент переводного произведения делится на комментируемое слово, дефиниционную часть и дополнительную информацию. КС, обладая двойным бытованием – в тексте художественного произведения и комментария, обеспечивает межтекстовые связи, т.е. связи между художественным текстом и выстраевыемым параллельно ему текстом комментария. КС, выступая в

качестве гипертекстовой ссылки, связывает текст оригинала и текст переводчика, взаимопроникает, устанавливает перекрёстные связи. Наконец, комментируемые слова выполняют в пространстве гипертекстовой организации информации функцию гиперссылок, влияющих на проекцию текста читателя (см. рис. 2).

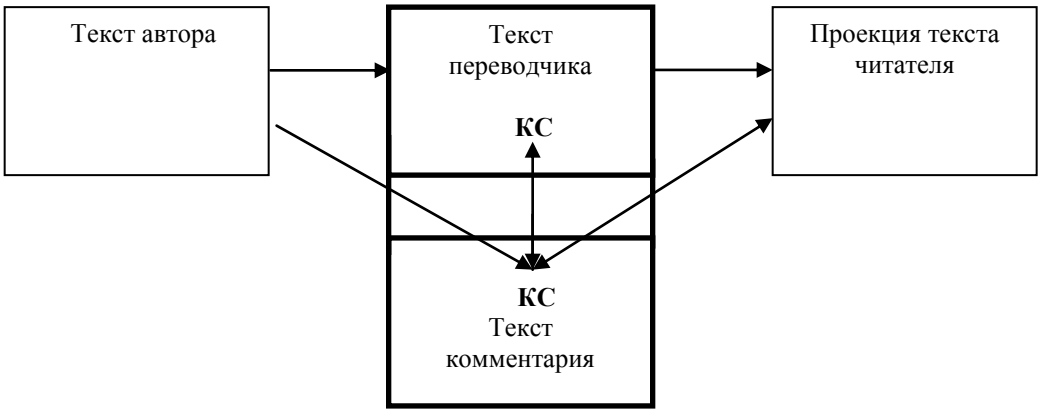


Рис.2. Гипертекстовая организация стратегии читателя перевода

Читатель имеет возможность самостоятельно выбрать порядок прочтения в зависимости от своей заинтересованности, а при необходимости перейти к другим источникам информации.

Рассмотренная гипертекстовая организация стратегии читателя позволяет трактовать КС как гиперссылку, представляющую собой свёрнутый текст, прочтение которого способствует оптимизации процессов понимания читателя.

Нельзя обойти вниманием и другую ситуацию, а именно взаимодействие автора со своим переводчиком. Об этом пишет У. Эко [2006], признаваясь в том, что активно сотрудничает со своими переводчиками для того, чтобы осведомить их о «таких аллюзиях, которые по той или иной причине могут ускользнуть от их внимания…» [Эко 2006: 260]. По мнению учёного, многие переводческие концепции должны проходить «под знаком переговоров» для того, чтобы текст перевода произвёл «то же самое воздействие, к которому

стремился оригинал» [Там же, 93]. Именно поэтому, он оставляет для переводчиков своих текстов многостраничные примечания, проясняющие различные отсылки.

Полагаем, что и стремление переводчика «отослать» читателя к тексту комментария и далее к другим источникам информации удовлетворяет потребность, по крайней мере, определённого типа читателей в поисковой деятельности и является оправданным. У читателя художественного текста «на бумаге», так же как и у читателя электронного текста, есть возможность перейти по гиперссылке к дополнительной информации.

Мета- и гипертекстовая организация информации «текстового комплекса», в состав которого входят текст переводчика, КС и текст комментария, несущий культурно-специфическую или иную смысловую нагрузку, эксплицирует лакуны для читателя-инофона и тем самым оказывает влияние на проекцию текста читателя.

1.3. Комментарий как переводческая стратегия

Автор иноязычного текста и читатель общаются через переводчика. Переводчик выступает посредником. Это обязывает его знать и учитывать культурно-специфические особенности и различия в языке перевода и языке принимающей культуры, а также особенности восприятия фактов культуры, представленных в тексте оригинала, носителями другого языка.

Культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, которые составляют национально-социокультурный фонд, так или иначе находящий своё отражение в языке. Социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации представляют собой фоновую информацию, которая охватывает специфические факты истории, особенности географической среды, предметы материальной культуры прошлого и

настоящего и т.д. и т.п. [Виноградов 2004: 114–143]. Сохранить национальное своеобразие подлинника в переводе – задача особой сложности, которая выполняется не столько за счёт различных приёмов передачи фоновой информации средствами переводящего языка, сколько творческим процессом профессионального переводчика. Переводчик, сталкиваясь со словом, обозначающим ту или иную культурно-историческую реалию, прибегает либо к комментарию, либо к описательному переводу и различным пояснениям в переводном тексте.

Любой художественный текст, являясь национально-специфичным, содержит «тёмные места», т.е. несовпадения в двух культурах, воспринимаемые как «чужое», и тем самым затрудняет межкультурное взаимодействие.

Обладая профессиональной компетенцией, переводчик использует стратегии элиминирования лакун для установления смысловых, языковых и межкультурных соответствий между текстами оригинала и перевода. В практике перевода выделяют два способа элиминирования лакун: заполнение, т.е. раскрытие смысла слова, и компенсацию, т.е. снятие национально-специфического барьера. Компенсация лакун облегчает понимание, но при этом стирает национально-культурную специфику оригинала. Французский переводчик «Капитанской дочки» А.С. Пушкина передаёт на французский язык бытовые реалии, исторические термины, национально-окрашенную лексику буквально, так что они оказываются малопонятными для французского читателя: «батюшка» переводится как mon petit pere, «матушка» как ma petite mere, «мужичок» – mon petit paysan, «барское дитя» – enfant de boyard и т.д. На наш взгляд, широко используемый аналитический способ образования уменьшительно-ласкательных форм слова с помощью прилагательного «petit(e)» не всегда может передать эмоционально-экспрессивную окраску русской лексики.

Другой переводчик Энри Монго при переводе на французский язык рассказов «Записки охотника» И.С.Тургенева прибегает к транскрибированию русских экзотизмов (batiouchka, kvass, izba, telegue, saraphane) с комментариями, содержащими энциклопедические сведения об этих русских словах. Такой способ перевода слов – реалий способствует сохранению национального колорита, но иногда загромождает повествование и отвлекает читателя, а введение иноязычного слова возможно только тогда, когда невозможно заменить его на эквивалент в родном языке [Виноградов 2004: 114–150].

Относительно перевода слов, которые составляют «чужую» лексику, существует много споров и разногласий. Эквивалент компенсирует лакуну, но не передаёт экспрессивности национально-маркированной лексики, обедняя принимающую культуру. Вместе с тем он способствует более легкой адаптации переводного текста. Что касается способа заполнения, то суть его заключается в сохранении слова в иноязычном облике (как правило, с помощью транскрибирования) с развёрнутыми комментариями к нему, позволяющими получить представление о чужой культуре. Выбор остаётся за переводчиком, занимающим центральное место в диалоге «автор – читатель».

Иноязычный текст, отображающий этническую культуру, изначально является лакунизированным. В процессе перевода текста происходит его делакунизация. Рассмотрев перевод как перенос транслем из одной действительности в другую, в которой они получают вербальные соответствия – трансляты, М.В. Рябова [2011] выделила следующие способы делакунизации: интенсификацию, уточняющую интенсификацию, тавтологическую интенсификацию, компенсацию, стилизацию, креативизацию, метафоризацию, креолизацию, деметафоризацию. Интенсификация является преобладающим способом делакунизации, при котором в переводе используется транслят с дополнительными семами, отсутствующими у транслемы. При компенсации делается выбор в пользу такого транслята, семы которого частично или

полностью заменяют семы иноязычной транслемы. Под креативизацией понимается появление в переводе комплекса новых сем. Метафоризация предполагает выбор переводчиком транслята с переносным значением, что приводит к образности высказывания. Деметафоризация – способ, противоположный метафоризации, при котором выбранный переводчиком транслят менее образен, чем транслема. Стилизация предполагает несовпадение стилистической окраски транслемы и транслята, в то время как креолизация представляет собой перенос иноязычных сем в текст перевода.

Креолизация в большинстве случаев обусловлена отсутствием в русской действительности предметов и явлений, имеющихся в иноязычной действительности. Транслема, обозначающая в другом языке ту или иную реалию, подвергается креолизации и сохраняется в переводе.

Из-за разности культур в переводе, по утверждению М.В. Рябовой, неизбежно возникает «смысловой сдвиг», так как «текст перевода представляет собой интерпретацию оригинала переводчиком и отражает его усилия по ориентации текста на инокультурного адресата…» [Рябова 2009: 116]. На наш взгляд, креолизация как способ делакунизации имеет в результате наименьший «смысловой сдвиг», если переводчик использует комментарий к реалии иноязычной действительности.

Комментарий знакомит читателя с культурой текста оригинала, показывает её своеобразие. «Хороший перевод – это не такой текст, который читается так, как будто он написан на языке перевода, а такой, который отсылает читателя к оригиналу и культуре-источнику» [Пшеницын 2000: 82]. Именно такой перевод даёт возможность почувствовать уникальность культуры, в которой создавался текст оригинала.

В зарубежном переводоведении появляется всё больше работ, посвящённых культурологическому направлению исследования перевода, которое придерживается постулата о том, что перевод представляет собой

фрагмент одной культуры в другой культуре. В культурологическом направлении процесс перевода рассматривается как переключение произведения из одного языка (культуры) в другой [Базылев 2000: 7]. Данный подход исследует различия между оригиналом и переводом, обусловленные факторами культуры. Культурологический парадокс перевода заключается в том, что текст транспонируется в культуру реципиента, но обязан сохранить инокультурный колорит.

Одним из первых отечественных учёных причину парадоксов объяснил А.Д. Швейцер [1994]. По его мнению, в основе этих парадоксов лежат противоречия между двумя культурами. Текст перевода «бикультурен» и, адаптируясь к культуре-рецептору, он никогда полностью не порывает с исходной культурой. Стремясь передать специфику оригинала и адаптировать текст перевода к принимающей культуре, переводчик принимает «компромиссные решения» [Швейцер 1994: 183].

Профессиональный переводчик понимает, что культурные различия являются решающим фактором при восприятии инокультурного текста, так как иноязычный текст требует знаний культорологического плана и содержит сложности понимания образа мыслей другого народа, его быта, его традиций. Придерживаясь подобных установок истолкования текста, переводчик прибегает к лингвокультороологическому исследованию текста оригинала, принимая во внимание сущность ассимиляции для будущего читателя и неизбежность появления новых смыслов, возникающих при перенесении текста одной культуры в другую культуру.

Переводчику нужно не только «пересоздать» определённый текст на другом языке, но и обозначить его «фон», включённость в иную культуру. В.Н. Карпухина [2010] подчёркивает, что переводчик может оставить текст без изменений и комментария, и, в таком случае, текстовая пресупозиция, под которой подразумевается сумма знаний, которую отправитель хотел бы

определить как общую основу для получателя информации, будет передана имплицитно. Вот почему автор совершенно справедливо считает оптимальной стратегией переводчика экспликацию пресупозитивного знания за пределами текста (сноски, переводческие комментарии). При ориентации на восприятие будущего читателя переводчику приходится принимать компромиссное решение при переводе национально-маркированной лексики. Когда невозможно найти эквивалент, оптимальной стратегией переводчика является использование комментариев и примечаний.

В работах В.Б. Кашкина [2010] метакоммуникативная деятельность переводчика рассматривается как взгляд на перевод «со стороны» или «в зеркало». В.Б. Кашкин исследует переводческую деятельность, акцентируя свое внимание на ряде факторов метауровня. Исследователь рассматривает переводческую деятельность как целостный процесс интеллектуального производства, к которому присоединяются и в который вплетаются процессы оценки и самооценки, размышления о чужом и собственном переводе, советы, указания и даже наказания за результаты этой деятельности. Оценка и коррекция, мониторинг и автомониторинг, т.е. метакогнитивная деятельность направлена на оптимизацию перевода. Многие из аспектов метапереводческой деятельности сами по себе производят тексты (например, рецензии); они могут быть тесно сплетены с собственно текстом перевода (например, предисловие переводчика), либо даже быть вплетены в него (внутритекстовые примечания). Метакоммуникация переводчика, т.е. наличие предисловия, послесловия и комментариев, дополняет и поясняет авторский текст, помогает лучше понять произведения носителям другого языка, другой культуры. Метатекст, фактически принадлежащий автору перевода и являющийся посторонним по отношению к авторскому тексту, стремится слиться с финальным текстом, предъявляемым читателю перевода. Метакоммуникативные дополнения во многом объясняют процесс самого перевода, его трудности и неоднозначные

решения, которые должен принимать переводчик. В.Б. Кашкин подчёркивает, что работа по созданию метадискурса требует от переводчика понимания специфики разных культур и их обоснованное разъяснение в тексте перевода, либо за его пределами [Там же].

Комментатор-переводчик, будучи компетентным билингвом, знакомым с особенностями принимающей культуры, сам определяет, «высвечивает» лакуны как «тёмные места» для читателя другой культуры. Помимо первичной переводческой проекции текста, которая выстраивается при встрече с исходным художественным текстом, можно говорить о вторичной переводческой проекции, связанной, в том числе, и с выбором комментируемых слов, и поэтому носящий узконаправленный, «лазерный» характер.

О необходимости «социокультурного комментария», предназначенного для представителей иной культуры, указывает и С.Г. Тер-Минасова [2000], так как его задачей является одновременное обнаруживание и улаживание конфликта культур. Автор считает, что культурный барьер гораздо опаснее языкового, поскольку «культурные ошибки обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые» [Тер-Минасова 2000: 33].

В настоящее время в переводоведении многие исследователи (Галеева 1997; Самохина 2011; Колосова 2013 и др.) выступают за поиск эквивалентной замены культурно-исторических реалий, считая комментарий переводчика неудачной переводческой стратегией. По утверждению Н.Л Галеевой, не все факты и сведения являются смыслообразующими и подлежат комментированию [Галеева 1997: 12]. В исследованиях И.А. Самохиной переводческие комментарии рассматриваются как «неудачные переводческие приёмы», поскольку они «эксплицируют смысловую нагрузку или просто её снимают» [Самохина 2011: 126]. Автор рассматривает комментарии как «разъясняющие приёмы» переводчика, которые «искажают смысл, заложенный в оригинале, либо снимают возможность рефлексии у читателя» [Самохина 2011: 77]. П.А.

Колосова описывает комментарии переводчика как «ошибки и неудачные решения» [Колосова 2013: 12].

Таким образом, комментарий как стратегия переводчика вызывает у учёных противоречивые высказывания. Мы не ставим перед собой задачу опровергнуть существующее мнение о переводческом комментарии как неудачной переводческой стратегии, поскольку рассматриваем комментарий не с точки зрения теории перевода, а в ракурсе восприятия читателя. Мы можем только утверждать, что с точки зрения читателя познавательные и удачные комментарии переводчика оправданны: они способствуют более полному пониманию текста читателем, помогают понять культурологические особенности страны, в которой был создан текст оригинала.

Поиск эквивалентной замены является оптимальной переводческой стратегией. Однако невозможно не согласиться с утверждением С.Г. Тер-Минасовой, что «слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными» [Тер-Минасова 2000: 35]. «Социокультурный комментарий» обеспечивает наиболее полное понимание текста, восполняет недостаток фоновых знаний у читателя, разрешает конфликт культур. Таким образом, автор утверждает, что именно комментарий формирует читателя, а переводчик-комментатор должен быть высокообразованном человеком и знать как можно больше об описываемой эпохе, её культуре, быте, предрассудках и т.п. Только тогда, по справедливому утверждению С.Г. Тер-Минасовой, он сможет увидеть «между строк» намёки, аллюзии, реминисценции и донести их до читателя. Указывая, что комментирование представляет особые трудности, автор считает, что метакоммуникативная деятельность переводчика подчёркивает эрудицию и достоинство комментатора.

Ярким примером тому могут служить комментарии к «Евгению Онегину», выполненные В.В. Набоковым. В 1964 году увидел свет перевод на английский язык романа «Евгений Онегин» и комментарии к нему,

выполненные В.В. Набоковым. Объём комментария составляет свыше 1100 страниц и является самым обширным исследовательским трудом этого рода. В.В. Набоков переводил и комментировал А.С. Пушкина, так как хотел «правдоподобно» представить поэта англоязычному читателю. Набоков-комментатор полон неожиданностей: то он эмоционален, то он насмешлив, то рассудителен и предельно точен. Стремление автора найти, уточнить, объяснить то, что не удалось сделать никому, принесло в результате признание поэмы русского классика англоязычными читателями. Точную оценку набоковскому комментарию, на наш взгляд, даёт А.С. Бессонова [1999], подчёркивая, что как комментатор «Евгения Онегина» Набоков пытался «пересадить древо пушкинского романа, не повредив корневую систему, на почву англоязычной культуры» [Бессонова 1999: 284]. Благодаря Набокову-комментатору читатели, не знающие русского языка и русской культуры, смогли оценить её по достоинству и познакомиться с традициями, бытом, нравами страны, в которой был создан оригинал.

В.В. Набоков перевёл Пушкина разностопным и разносложным белым стихом с едва заметной ямбической основой, он стремился найти в английском языке такие лексические эквиваленты оригиналу, которые совпадали бы с ним не только по основным словарным значениям, но и по стилистической окраске, коннотациям, сфере употребления. В интервью, данном Альфреду Аппелю, Набоков подчеркнул, что более точная передача информации при переводе была возможна только «благодаря подстрочнику, снабжённому примечаниями» (цит. по: [Носик 1995]).

Комментарии Ю.М. Лотмана к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» также являются примером титанической исследовательской работы, направленной на помощь читателю. Н.Л. Галеева, подчёркивая, что не все факты и сведения являются смыслообразующими и требуют комментария, считает, что в отдельных случаях комментарии Лотмана могут сыграть

отрицательную роль – «когда несамокритичный читатель, прочтя комментарий, сочтёт, что теперь-то он всё знает и всё понимает в тексте Пушкина. Знает-то он, может быть и всё, только понимает ли?» [Галеева 1997: 13]. Хочется подчеркнуть, что комментарий стремится не внушить читателю, что он знает всё, а «приблизить читателя к смысловой жизни текста» [Лотман 1995: 759].

Таким образом, метакоммуникативная деятельность переводчика поясняет текст оригинала, помогает лучше понять произведение носителям другого языка, другой культуры. Комментарии переводчика являются оптимальной стратегией экспликации пресупозитивного знания за пределами текста.

1.3.1. Роль переводчика в модели «автор – текст – читатель»

Перевод является важным звеном межъязыковой / межкультурной коммуникации. Расширенный подход к переводу заставляет пересмотреть многие традиционные понятия, делая акцент на его культурообразующей функции, а также на переводчике как основном субъекте деятельности. Предметом теории перевода является научное описание переводческой деятельности, моделирование механизма межъязыковых преобразований.

Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев [1997], моделирование объекта – это необходимый компонент его познания, который отображает не только реальные, объективные свойства, но и нашу точку зрения на этот объект, те требования к соответствию моделей моделируемому объекту, которые мы в каждом случае предъявляем. А.А. Леонтьев подчёркивает, что ни одна модель не является полной, не исчерпывает всех свойств объекта, так как моделирование не есть любое отображение объекта в модели. По мнению автора, моделируя реальный объект, мы конструируем другой – реальный или воображаемый объект, а то новое, что мы узнаём при этом, автоматически

переносится в нашу модель, построенную по заранее определённым параметрам. Таким образом, все модели обладают разной объяснительной силой, описывая ту или иную деятельность с разных сторон [Леонтьев 1997: 40]. В лингвистике успешно используется функциональная модель коммуникации Р. Якобсона, в которой участвуют адресант и адресат. От первого ко второму направляется сообщение, которое отправлено с помощью кода. Контекст в модели Якобсона связан с содержанием сообщения, с передаваемой им информацией. Понятие контакта связано с регулятивным аспектом коммуникации. Современная социолингвистика и теория коммуникации заимствовали эту модель для описания коммуникативных процессов, так как в ней учитывается не только сам язык, но и пользователи языка.

В изучении коммуникации, а также переводческой деятельности В.Б. Кашкин [2002] выделил два подхода, формирующихся в разных парадигмах: трансляционный, линейный, механический и диалогический, нелинейный, деятельностный. Механический подход рассматривает коммуникацию и перевод как обмен текстами и информацией. С точки зрения деятельностного подхода текст и информация создаются вновь и реинтерпретируются в ходе постоянного диалогического взаимодействия коммуникантов. По мнению автора, модели перевода не предполагают наивную пословную замену слов при переводе, так как перевод предлагает не столько простое сопоставление текста оригинала и текста перевода на предмет адекватности, точности и т.д., сколько многогранную деятельность языковых субъектов, осуществляющих это сопоставление. В.Б. Кашкин акцентирует внимание на том, что как в процессе создания моноязычного текста, так и в процессе перевода деятельность языкового субъекта определяется диалогическим взаимодействием имеющейся коммуникативной интенции и прогнозируемого коммуникативного последствия, а также рядом факторов, влияющих на выбор средств перевода. Опираясь на деятельностный подход изучения перевода, В.Б Кашкин

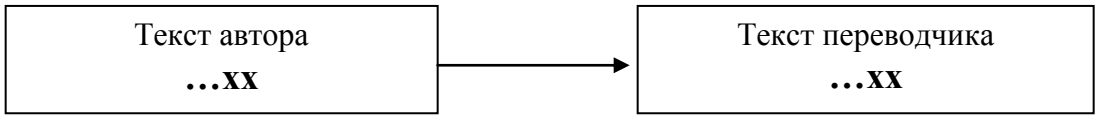
разработал факторную модель перевода, которая учитывает принцип взаимной переводимости языков и посредническую деятельность переводчика. Процесс перевода, как и процесс моноязычного высказывания, проходит определённые точки выбора, когда переводчик выбирает то или иное грамматическое оформление. Для переводчика контекст, казалось бы, задан текстом оригинала, но это контекст исходного языка. Фактически же, переводчик заново создаёт ситуацию, интерпретирует её.

Таким образом, опираясь на факторную модель перевода, разработанную В.Б. Кашкиным, можно подтвердить главенствующую роль переводчика, поскольку именно от него (переводчика) зависят интерпретация текста оригинала, его грамматическое оформление (см. рис.3).

Рис.3. Роль переводчика в деятельностном подходе изучения перевода

В основе герменевтического подхода к моделированию перевода используются конструкты «понимание» и «рефлексия». Н.Л. Галеева [2002а] рассматривает перевод как сложную речевую мыследеятельность. Автор считает, что художественный текст характеризуется повышенной содержательной трудностью и требует рефлексивного усмотрения непонимания, а также рефлексии как пути к индивидуальному пониманию. Как подчёркивает Н.Л. Галеева, причиной переводческих неудач является именно непонимание текста оригинала. Переводчик может хорошо справиться с чисто языковыми трудностями и создать грамматически и стилистически правильный текст, но при этом снять сложные обороты и некоторую стилистическую

неправильность оригинала. Такой стилистически правильный перевод теряет большинство смыслов оригинала и не является достоверным. Переводчик должен не только понять текст оригинала, но и организовать текст перевода таким образом, чтобы он содержал аналогичные трудности понимания, т.е. понимался аналогичным образом реципиентами принимающей культуры. Так, Н.Л. Галеева [2002б] отмечает, что художественность текста определяется мерой рефлексии, а достоверный переводной текст содержит «зацепки» для рефлексии и трудности оригинала. Другими словами, в русле герменевтического подхода к изучению проблемы понимания переводчику необходимо передать для читателя все «зацепки» для рефлексии и смыслы текста автора (см. рис.4).



где ● – трудности, **x** – зацепки для рефлексии

Рис.4. Герменевтический подход к пониманию текста

Семиотическая модель перевода строится с учётом фактора адресата, т.е. того, кому направлен перевод. Рассмотрев перевод как «интервенцию переводчика в знак», И.Э. Клюканов [1988] анализирует два основных переводческих механизма: адаптивный и резистивный переводы. Адаптивный перевод работает на финального интерпетанта, уменьшая дистанцию между интерпретантом и объектом. Резистивный перевод работает в обратном направлении, помогая оригинальным знакам сопротивляться воздействию принимающей культуры. Адаптивный и резистивный переводы отличаются различной степенью опосредования значения, а также степенью переводческой интервенции. Мотивы и стратегии посреднической деятельности заставляют

переводчика либо приближать объект к интерпретанту (создавать резистивный перевод), либо скрывать объект от интерпетанта (создавать адаптивный перевод). Выбор адаптивного или резистивного переводов зависит от переводчика, который является центральным связующим звеном между автором и финальным интерпретантом. В переводе как в творческом процессе переводчик во время ментальной обработки поступившей информации никогда не замыкается на данных языка. Любой малый компонент смысла может попасть в его концептуальную систему благодаря разностороннему опыту, памяти, воображению и образам обыденного сознания. Переводческая стратегия зависит не только от его профессиональной компетенции, но и от заказчика перевода (см. рис.5).

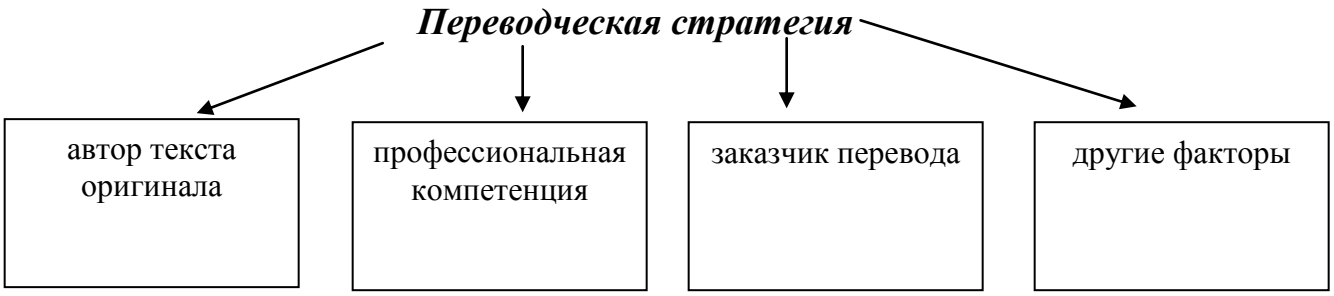


Рис.5. Переводческая стратегия в семиотической модели

В психолингвистике проблемы смыслового восприятия текста и его перевода исследуются с позиций, которые учитывают особенности личности переводчика как профессионального билингва, его ориентиры, мотивы, интенции, с одной стороны, и индивидуально-своеобразные способы переработки информации, т.е. когнитивные стили переводчика как мыслящего и чувствующего индивида, с другой. Психолингвистический подход связан с понятием «проекция текста» и позволяет включить переводчика в систему «автор-текст-читатель» как полноценное звено, чья проекция текста продлевает «жизнь текста автора». Под проекцией текста понимается ментальное

образование, продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом в той или иной степени приближающейся к авторскому варианту проекции текста [Залевская 2001: 62–63]. У А.А. Леонтьева [1997] понятие проекции текста соотносимо с образом содержания текста, трактующего понимание текста как процесс перевода смысла в другую форму его закрепления [Леонтьев 1997: 141]. Другими словами, проекция текста отражает результат понимания, сформировавшийся у индивида.

Авторитетные исследователи [Залевская 1988, 1990, 1998; Зимняя 1976; Леонтьев 1976 и др.], занимающиеся проблемами понимания текста, исходят из того, что трудно разграничить восприятие и понимание, поскольку смысловое восприятие речевого сообщения имеет своим результатом понимание/непонимание этого сообщения. А.А. Залевская [2001] изучает понимание текста как психический процесс, протекающий у индивида как активного и пристрастного субъекта соответствующей деятельности.

Используя ключевое понятие проекции текста, в развитие идеи Н.А. Рубакина и Ю.А. Сорокина, А.А. Залевская [2001] разработала психолингвистическую концепцию понимания текста, которая, по нашему мнению, применима и к рассмотрению переводного текста с обозначением дополнительного звена в цепочке «автор – читатель»: «автор – авторская проекция текста – тело текста – переводчик – проекция текста у переводчика – реципиент – проекция текста у реципиента». Таким образом, переводчик занимает центральное место в процессе трансформации иноязычного текста в текст перевода, а реципиент воспринимает проекцию текста переводчика.

В настоящее время в переводческом процессе акцент смещается на переводчика, занимающего центральное место в динамическом процессе многогранной деятельности языковых субъектов. Речь идёт об интеллектуально-эмоциональном типе личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой

культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит [Сорокин 2003].

В исследованиях Е.К. Черничкиной [2007] предложена типология искусственной билингвальной личности, в основе которой положены стадии развития искусственного билингва. По мнению автора, существуют определённые стадии, отражающие уровни развития искусственного билингва как коммуникативной личности: интуитивный дилетант, рефлексирующий дилетант, рефлексирующий теоретик, рефлексирующий практик, компетентный билингв. Интуитивный дилетант использует невербальные средства для достижения взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации. Рефлексирующий дилетант осознаёт отсутствие у себя соответствующих знаний, что является мотивом для изучения иностранного языка. Рефлексирующий теоретик готов к участию в межкультурном общении только на уровне знаний, но не имеет навыков их практического применения. Рефлексирующий практик осознанно конструирует межкультурную интеракцию, однако скорость кодового переключения недостаточно велика. Компетентный билингв приближается по параметрам своего коммуникативного поведения к носителю языка и представляет собой высший уровень саморазвития коммуникативной личности. Опираясь на данное исследование, мы предполагаем, что профессиональный переводчик является компетентным билингвом, который постоянно стремится к саморазвитию и совершенствованию своих коммуникативных навыков и умений.

В реальных коммуникативных ситуациях переводчик испытывает на себе влияние как того, кого он переводит, так и того, для кого он переводит. Это значит, что переводчик не может быть беспристрастным и безличным. Для нас особое значение имеют исследования, в которых деятельность переводчика как субъекта занимает центральное место в моделировании процесса перевода. Так, по мнению Т.Г. Пшёнкиной [2005], посредническая роль переводчика в

деятельности трактуется как психолингвистический процесс построения смыслов на базе образования интегративных когнитивных структур иностранного языка и языка перевода.

В определении личности переводчика Т.Г. Пшёнкина обращается к понятию «функциональный орган» (термин В.П. Зинченко), посредством которого организуются стратегии оперирования с информацией. «Выбор переводческого решения – это попытка ’’осознать сознание’’ продуцента и реципиента и создать интегративные структуры, обеспечивающие актуализацию подлежащего передаче ментального содержания» [Пшёнкина 2005: 12]. Обратим внимание на то место, которое отводится переводчику в цепочке «автор – читатель»: переводчик выступает как реципиент первичной литературной коммуникации и как реализатор нового коммуникативного акта. Таким образом, в исследовании Т.Г. Пшёнкиной представлена интегративная концепция вербальной посреднической деятельности переводчика, в которой переводчик осуществляет функцию активного субъекта, билингва с профессиональным языковым сознанием.

Основной задачей билингва любого уровня (как непрофессионального, так и компетентного) является понимание иноязычного текста. Задача одна и та же, но цели понимания разные: рядовой читатель стремится понять текст (оригинальный, переводной, родной) «для себя», профессиональный билингв, переводчик – «для другого». Понимание любого текста рассматривается в психолингвистике как сложный многоуровневый процесс, результатом которого является целостное переживание продукта понимания. Как отмечает А.А. Залевская [2001], процесс понимания не ограничивается содержанием текста, поскольку, воздействуя на концептуальную систему человека, текст заставляет обращаться индивида к «своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту…» [Залевская 2001: 64].

При постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных процессов, рядовой читатель понимает текст (оригинальный, переводной, родной) с позиций принципа «для меня – здесь – и сейчас». Как указывает А.А. Залевская, базовый процесс понимания для наивного читателя является достаточным, если он читает «для своего удовольствия». Для реципиента содержание текста и его смысл настолько же неразделимы, насколько для него слиты значение и смысл слова [Залевская 2001: 158]. Базовое понимание текста оригинала удовлетворяет непрофессионального билингва. Задача понимания текста переводчиком осложняется тем, что переводчик стремиться понимать «для другого».

Опираясь на идею А.А. Залевской, можно сделать вывод, что компетентный билингв/переводчик не только идентифицирует себя с участником описываемого в тексте события, но и занимает позицию стороннего наблюдателя с установкой «для него/неё – здесь – и сейчас», так как его задачей является не только понять текст для себя, но передать его для других.

Так, в работе В.Н. Базылева [2008] было отмечено, что когда переводчик читает первичный текст для того, чтобы перевести его, он становится метачитателем подобно филологу, который читает текст с намерением его филологического и лингвистического исследования. Переводчик должен вызвать в своём воображении и передать читателю в своей проекции текста фантазии автора первичного текста.

Стремление к постоянному саморазвитию и владение иностранным языком считается обязательным для переводчика, однако не гарантируют умения хорошо переводить. А.В. Вишневский [2009] полагает, что человека, постоянного занимающегося переводом, отличает от обычного билингва наличие специфического навыка – так называемого навыка языкового переключения, который даёт ему возможность успешно выполнять посредническую функцию. По одному из определений механизм переключения

– это «способность к быстрой актуализации двуязычных ассоциаций, т.е. быстрого установления разноуровневых эквивалентных соответствий между различными языковыми системами» [Бурак 1999: 55]. А.В. Вишневский подчёркивает, что у профессионального переводчика процесс перевода с одного языка на другой доведён до автоматизма и остро осознаны границы между языками. У дилетанта же может происходить наслоение одного языка на другой, что приводит к ярко выраженной интерференции, когда в построении высказывания участвуют чужеродные языковые элементы разных уровней (синтаксического, семантического, фонетического). Важными профессиональными качествами переводчика А.В. Вишневский также считает искусное владение родным языком, так как компетентный билингв, составляя свою проекцию текста, должен сформулировать сложную мысль, передать подтекст оригинала на родном языке.

Переводчик является отдельной личностью с собственным опытом, набором предпочтений и идиолектом. Личностные особенности переводчика естественно сказываются на стиле перевода. Ю.А. Сорокин [1991] рассматривает переводной текст как ряд проекций, структура и качество которых зависят именно от психотипических особенностей переводчика, сопряжённых с его сознательными установками (в частности, с установкой на конкурентность). Автор полагает, что именно эта установка позволяет переводчику соответствующим образом аранжировать свои креативные способности и выбирать такой материал, который маркирует его как личность. Личностные качества переводчика могут как помогать, так и «мешать» адекватному переводу.

Переводчик принимает во внимание то, как будет восприниматься его текст, насколько он будет понятен, насколько он соответствует требованиям адекватного перевода. На основании анализа текстов перевода Е.В. Гарусова [2007] установила возможность существования нескольких вариантов перевода

за счёт различных интерпретаций переводчиками текста оригинала и осознанной переводческой позицией, когда переводчик намеренно изменяет, добавляет или опускает смыслы. В работе [Гарусова 2007] представлена типология переводческих позиций, основанных на предпосылке о том, что переводы всегда ориентированы либо на передающую, либо на принимающую культуру. Рассмотрев переводы, выполненные разными переводчиками, Е.В. Гарусова определила следующие переводческие позиции: позицию экзотизации, позицию историзации, позицию модернизации, идеологическую позицию, позицию натурализации, адаптационную позицию, позицию смысловой девиации. Основанием для типологии переводческих позиций, по мнению автора, послужили регулярность и рекурентность изменений перевода по отношению к оригиналу. Разработанная Е.В. Гарусовой типология переводческих позиций, позволяет сделать вывод, что в своей деятельности переводчик осознанно или неосознанно занимает позицию переводчика текста для других.

Любопытно заметить, что переводческая позиция адаптации оригинала при переводе вызывает разные оценки. Например, Л.Г. Васильев [1991] считает невозможным переводческое упрощение оригинала, так как «упрощать при переводе, скажем, текст из В. Фон Гумольдта или Л. Витгенштейна до восприятия школьника – это задача методиста и популяризатора» [Васильев 1991: 30]. Л.Г. Васильев подчёркивает, что деятельность переводчика концептуальна, у него много возможностей проявить себя в качестве когнитивного рефлектирующего субъекта деятельности. Определяя перевод как результат рефлексии переводчика над понятием, автор указывает, что в художественный текст вплетено индивидуальное поле сигнификата переводчика (отношение его к переводимому тексту). Именно поэтому и различают индивидуальные стили переводчиков.

Перемещение внимания с текста на интерпретирующего субъекта является попыткой осознать ментальные процессы, с помощью которых осуществляется перевод. В последнее время изменился взгляд на перевод: теперь он понимается как динамический процесс, предполагающий многогранную деятельность языковых субъектов. Переводчик является центральным звеном межъязыковой коммуникации, билингвом, обладающим профессиональной компетентностью, не только мыслящим, но и чувствующим субъектом, на которого влияют как внутренние, так и внешние факторы.

1.3.2. Трудности читателя как объект прогнозирования переводчика

Исторически перевод был ориентирован на исходную, либо на принимающую культуру. Направленность перевода на ту или иную культуру определяется тем, хочет ли культура приобрести нечто новое из чужой культуры или пытается трансформировать чужие ценности и выдать «чужой текст» как «свой».

Отношение к переводу менялось, а соответственно, переводчики стихийно или осознанно занимали соответствующие позиции в деятельности, что определяло характер перевода. Ряд исследователей [Hatim, Mason 1997; Lefevre 1998; Hermans 2002] считают необходимым воспроизвести в переводе особенности исходной культуры. Другие учёные [Sager 1983; Toury 1995; Nord 1997, 2005; Nida 2003; Paul 1992] говорят о необходимости адаптации текста в принимающую культуру. Л. Венути [Venuti 1995] ввёл в переводческий оборот понятия «одомашнивания» (domestication) и «иностранизации» (foreignizing).

Беспредметно спорить, какая позиция предпочтительнее, но эти противоположные тенденции имеют одинаковое направление – на читателя, который является получателем перевода.

Долгое время права текста и его автора казались незыблемыми, а проблема читателя занимала скромное место. Фигура «Создателя» занимала главное место в западных интеллектуальных практиках [Усманова 2000]. Роль автора как основного «инвестора» значения текста исследовалась традиционной критикой. Биография автора и его высказывания о своём произведении рассматривались как основание для реконструкции интенций автора, и в этой связи текст предположительно мог иметь некий аутентичный смысл. По своей сути существовала теория однонаправленного воздействия автора и его произведения на реципиента. Культ Автора вполне логично уступил культу Читателя, «наделяющего слова смыслом, именующего вещи и упорядочивающего мир своим взглядом» [Усманова 2000: 134].

У. Эко рассматривает читателя как «активное начало интерпретации», как «часть самого процесса порождения текста» [Эко 2005: 14]. По справедливому утверждению автора, некий акт коммуникации получает широкий отзвук в обществе не столько благодаря самому тексту, сколько тому факту, «как данный текст прочитывается этим обществом» [Там же, 286]. В реальных процессах коммуникации текст часто интерпретируется с использованием не тех кодов, который имел в виду автор. У. Эко утверждает, что некоторые авторы не учитывают этого, так как исходят из представления о «среднестатистическом адресате в заданном социальном контексте» [Там же, 19]. Но реальный читатель отличается от такого среднестатистического.

Текст представляет собой «всего лишь сложный букет неоформленных возможностей, стимулирующий интерпретативный дрейф своего читателя» [Усманова 2000: 52]. Текст даёт повод для размышлений читателю, который обладает некоторыми знаниями и воображением.

У. Эко выделил различные типы читателей, среди которых можно встретить «метачитателя», «архичитателя», «действительного», «властного», «когерентного», «компетентного», «идеального», «подразумеваемого»,

«программируемого», «виртуального», «реального», «сопротивляющегося» и даже читателя «нулевой степени» [Эко 1990, 2005]. Так, «критически настроенный» читатель вычитывает из книги больше, чем текст говорит на первый взгляд [Эко 2005: 45]. «Читатель-циник» может сделать определённые заключения о морали, которые никогда не сделает «добродетельный» читатель. По мнению автора, «идеальный читатель» – это читатель, запрограммированный текстом. Реальность «идеального» читателя задаётся текстом, а не классовыми, политическими, этническими, сексуальными и другими признаками идентификации. «Идеальный» читатель Эко напоминает скорее компьютер, способный обнаружить в своей памяти и соединить в безграничном гипертексте весь текстуальный универсум и потому он – образцовый. Его единственной связью с миром является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации. «Идеальный читатель» строго определён «лексической и синтаксической организацией текста», он представляет собой «комплекс благоприятных условий», которые «должны быть выполнены, чтобы текст полностью актуализовал своё потенциальное содержание» [Там же, 25]. У. Эко использует понятие «идеального читателя» для защиты текста от множества его интерпретаций.

«Тело текста» представляет собой мёртвую последовательность графем, и «для его оживления» или «одушевления» необходима включённость и «тела текста», и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может [Залевская 2001: 157]. Переводчик как исследователь осуществляет «вторичную интерпретацию» уже понятого с опорой на вторичную рефлексию с позицией «для этого жанра – для этого автора – для перевода (и т.д.)» [Там же, 154]. Эту цепочку можно продолжить, введя в неё позицию «для будущего читателя».

Осуществляя «вторичную интерпретацию», переводчик как профессиональный билингв исследует текст с целью выявления трудностей, с

которыми может столкнуться будущий читатель, и создания проекции текста, близкой к проекции автора. Таким образом, профессиональный переводчик пытается «уравновесить» проекцию текста автора и реципиента через построение собственной проекции и удовлетворить потребности читателя любого уровня, приближая его к восприятию «идеального читателя» в терминах У. Эко.

Построение переводческой проекции текста «для другого» рассматривается у Т.Г. Пшёнкиной [2005] как вторичный речевой процесс и формирование мысли переводчиком в этом процессе осуществляется как операция переформирования смысла в замысел. В переводе речесмысловосприятие и речесмыслопорождение ориентированы на других. Межъязыковой перевод запечатлевает результаты свершившегося мыслительного акта, а перевод становится естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления переводчика. По мнению автора, основное отличие переводчика от любого другого билингва – направленность на концептуальную систему реципиента (учёт того, для кого переводит). Наиболее интересным кажется мнение Т.Г. Пшёнкиной о синкретизме как свойстве сознания профессионального переводчика. Т.Г. Пшёнкина считает, что в отличие от непрофессионального билингва, в языковом сознании переводчика преобладает конструктивный (благоприятный) тип синкретизма, оптимизирующий профессиональную деятельность последнего. Теоретически любой человек, изучающий иностранный язык, может достичь высшей, интегративной ступени в его освоении (в этой ступени слово на иностранном языке непосредственно выводит на концепт). Однако, как справедливо отмечает автор, большинство билингвов, если понимают значение слова, то теряют мотивацию для обработки языковых данных для извлечения более полной информации об этом слове из разнообразных контекстов. Для переводчика же мотивация извлечения максимальной информации о языковом

знаке присутствует всегда, так как переводческие решения принимаются и корректируются. Конструктивный синкретизм переводчика формируется из-за вынужденной необходимости «подниматься» с медиативной ступени на высшую, интегративную, на которой слово представлено всеми типами информации.

Профессиональный переводчик может рассматриваться не только как получатель-интерпретатор иноязычного текста или как отправитель-соавтор (квазиавтор) переводного произведения, но и как исследователь текста оригинала, который расшифровывает некоторые лакуны национально-специфического художественного текста для будущего читателя. Межкультурные расхождения духовных парадигм должны выявляться в практике перевода. Используя стратегию комментирования лакун, переводчик полностью ориентируется на интересы читателя любого уровня интеллектуального развития, стремясь раскрыть потенциально неизвестные или малоизвестные читателю понятия и добиваясь максимально полного описания значений слов, с помощью которых эти понятия передаются. У переводчика-комментатора как представителя культуры-рецептора должно быть адекватное представление об имеющихся у читателя знаниях тех или иных слов.

Профессиональный переводчик, подобно филологу, исследует текст оригинала с намерением сказать читателю в тексте перевода «почти то же самое», что хотел сказать автор. На наш взгляд, переводческие комментарии базируются на прогнозировании будущего восприятия текста перевода и ориентированы на приближение восприятия читателя любого уровня к восприятию «идеального читателя» (в терминах У. Эко).

Выводы по главе 1

1. Комментарий образует целостное гармоничное единство с текстом перевода и характеризуется высокой степенью неавтономности, так как он принадлежит тексту, служит ему и читателю. С целью установить целесообразность переводческого комментария для читателя, было проведено анкетирование студентов (читателей), по результатам которого предлагается выделить бесполезные комментарии, полные, недостаточные и комментарии, затрудняющие восприятие.

2. «Текстовый комплекс» переводчика построен по принципу мета-и гипертекстовой организации информации, в которой КС выполняет роль гиперссылки. Переход читателя по гиперссылке (КС) к дополнительной информации (комментарию) способствует оптимизации процессов понимания текста читателем.

3. Метакоммуникативная деятельность переводчика поясняет и дополняет текст оригинала, помогает носителям другого языка и культуры лучше понять произведение. Комментарии переводчика являются оптимальной стратегией экспликации пресупозитивного знания за пределами текста.

4. Перемещение внимания с текста на интерпретирующего субъекта, т.е. переводчика, проявляется в разных моделях перевода. Переводчик рассматривается как центральное связующее звено между автором и читателем.

5. Психолингвистический подход позволяет рассмотреть концепцию понимания переводного текста с обозначением дополнительного звена в цепочке «автор – читатель»: «автор – авторская проекция текста – тело текста – переводчик – проекция текста у переводчика – реципиент – проекция текста у реципиента». Занимая центральное место в диалоге «автор – читатель», переводчик стремится создать свою проекцию текста для «других».

6. Переводческие комментарии базируются на прогнозировании будущего восприятия текста перевода и ориентированы на приближение восприятия читателя любого уровня к восприятию «идеального» читателя (в терминах У.Эко), т.е. такого читателя, которого хочет видеть любой автор.

Глава 2. КОММЕНТИРУЕМЫЕ СЛОВА И КОММЕНТАРИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Вводные замечания

Проблема взаимодействия слова и текста в русле психолингвистического подхода представлена в ряде работ представителей Тверской психолингвистической школы. А.А. Залевской [1988] представлена спиралевидная модель понимания текста, призванная показать расширяющиеся круги связей выводных знаний и соответствующих им переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» спирали в направлении прошлого опыта и одновременно в направлении развертывания ситуации [Залевская 1988]. Согласно спиралевидной модели, реализация различных функций слова в тексте может быть представлена в виде двунаправленной спирали, «раскручивающейся» от «тела текста» вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида и в проекцию текста, которая пересматривается и трансформируется.

М.Л. Корытная [1996] рассматривает роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста, предлагая вихревую модель его понимания. Суть этой модели заключается в прогностической функции заголовка как результирующей всех других функций слова. Заголовок инициирует формирование первичной проекции текста индивида, на которую влияют ключевые слова, видоизменяя её. В вихревой модели (как и в спиралевидной) слово «раскручивает» и формирует проекцию текста индивида.

Продолжением этой темы явилось исследование роли предтекстового комплекса в понимании специального текста, предпринятое В.А. Балдовой [1999]. Автор экспериментально подтвердил роль авторского предтекстового комплекса, включающего заголовок, ключевые слова и краткую аннотацию в формировании читательской проекции научно-технической статьи.

Проблема опоры на ключевые слова в ходе формирования проекции художественного текста на разных этапах процесса рассмотрена в исследованиях Н.В. Рафиковой [Рафикова 1994, 1995, 1999]. Исследователь экспериментально показала, что структура семантического поля текста организована по принципу ядро – периферия. Между этими составляющими располагается маргинальная зона элементов, которые в разных читательских проекциях могут входить либо в ядро, либо в периферию. Таким образом, с маргинальной зоной связаны вариативные характеристики текста. Автору удалось проследить ход глубинных базовых процессов понимания текста и доказать, что проекция текста содержит информацию о множестве вариантов одной и той же ситуации, так как в читательской проекции проявляется не только восприятие текста, но и его отношение к тому, о чём идёт речь в тексте. Неравномерное развитие проекции текста читателя на разных этапах понимания текста описано Н.В. Рафиковой с помощью модели маятника [Рафикова 1995].

В исследованиях Э.Е. Каминской [1996] выявлено взаимодействие между семантическим полем слова и семантическим полем читательской проекции текста и подтверждено влияние слова на расстановку акцентов при построении проекции текста. Э.Е. Каминской [Каминская 1996] экспериментально подтверждена гипотеза, согласно которой смысловая установка реципиента определяет «угол зрения» как общую направленность построения цельной проекции семантического поля текста. Процесс понимания текста, по мнению исследователя, отличается с одной стороны, прерывностью и наличием инвариантных характеристик, а с другой стороны, непрерывностью и тенденцией к постоянному изменению.

Человек, воспринимающий текст на незнакомом языке, также пытается увидеть в нём какие-то значимые части, ориентируясь по пробелам между словами, знакам препинания, повторяющимся отдельным словам [Медведева 1999].

Построение проекции текста связано с преодолением разного рода трудностей. Так, встречаясь в тексте с некоторой ситуацией, реципиент моделирует и прогнозирует её развитие. Рассматривая неоднозначность как свойство юмористического текста, И.Ф. Бревдо [1999] исследует основные этапы перехода с одного сценария развития ситуации на другой с акцентированием внимания на движении от неоднозначного слова к правильному пониманию ситуации.

Большая роль в понимании текста отводится контексту, поскольку при идентификации слова с неоднозначной семантикой в сознании человека актуализируются несколько конкурирующих значений, обычно выбор одного из них осуществляется под влиянием внешнего контекста [Рафикова 1999; Рогожникова 2000]. В ходе идентификации значения псевдослова в контексте Н.М. Ткаченко выделяет в качестве основной стратегию идентификации через внешний вербальный контекст [Ткаченко 2007: 5]. Автор подчёркивает, что при опознавании псевдослова в контексте стратегия идентификации через внешний вербальный контекст «практически полностью исключает необходимость использования стратегии через формально-мотивирующие элементы», которая являлась основной в ходе ассоциативного эксперимента вне заданного вербального контекста [Ткаченко 2007: 20].

Проведённый краткий обзор психолингвистических исследований текста подтверждает актуальность изучения закономерностей построения читательских проекций текста в ракурсе изучения роли слова как опорного элемента понимания текста.

Таким образом, движущей силой нашего исследования явился опыт рассмотрения проблемы понимания текста через слово. В нашем исследовании таким словом является слово, снабженное комментарием переводчика. Непосредственная цель исследования состояла в стремлении рассмотреть

влияние комментария к лакунизированному слову на построение проекции текста читателем.

2.1. Вопросы организации экспериментального исследования восприятия читателем комментируемых слов

2.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования

Наряду с применением ряда методов (наблюдение, измерение, эксперимент), традиционно используемых другими науками о человеке, психолингвистика развила и свои собственные, обусловленные особенностями психолингвистического подхода к изучению языка как достояния человека, что предполагает недопустимость анализа языкового материала в отрыве от пользующегося им индивида. Психолингвистика использует широкий спектр исследовательских процедур, включающих наряду с экспериментом и наблюдением интроспекцию, моделирование, сбор и анализ речевых ошибок, компонентный анализ и др.

Эксперимент в психолингвистике является основным методом для верификации гипотез, в котором носитель языка выступает как испытуемый со своими знаниями и со своей системой ценностей. Во время эксперимента испытуемые (далее – Ии.) сообщают экспериментатору информацию о слове, которое воспринимается через призму социального и индивидуального опыта, тем самым выходя на определённый фрагмент образа мира. Обработка этой информации служит подтверждением/неподтверждением предполагаемых гипотез, научному изучению тех или иных «отклонений», т.е. «психолингвистика принимает факт субъективной интерпретации носителем

языка языкового материала не как фактор помехи, а как факт, подлежащий научному анализу» [Белянин 2003: 129].

Объектом нашего экспериментального исследования являлось слово, требующее комментария, и комментарий к нему. Для того, чтобы установить факт влияния комментария к незнакомому слову на построение проекции текста читателем, был организован и проведен психолингвистический эксперимент.

В процессе подготовки к проведению эксперимента была сформулирована следующая рабочая **гипотеза**: переводческий комментарий базируется на прогнозировании будущего восприятия текста перевода и влияет на проекцию текста читателя, приближая её к авторской проекции.

Верификация сформулированной гипотезы осуществлялась в формате двух экспериментов, в процессе которых решались следующие задачи:

1) определить соответствие метакоммуникативной деятельности переводчика по выбору и комментированию лакун в тексте запросам читателей;

2) выявить степень понимания текста читателем при отсутствии переводческого комментария;

3) связать выявленные особенности проекций текста, созданными читателями, с личностно-психологическими характеристиками последних.

2.1.2. Процедура проведения экспериментов. Характеристика испытуемых

Цель первого эксперимента (далее – эксперимент № 1) состояла в том, чтобы обнаружить совпадение/несовпадение читательских запросов по комментированию слов с предложением переводчика, а также определить, помешало/повлияло ли отсутствие комментария пониманию предъявленного отрывка (характеристике героя, содержанию события и т.п.). Источниками текстов, предъявленных для работы Ии., послужили переводные произведения

классической и современной художественной литературы. Оригинальные тексты содержали слова с комментариями переводчиков, намеренно удалёнными из текстов, с которыми работали Ии. В ходе эксперимента № 1 Ии. предлагалось два задания: 1) выделить в предъявленном им тексте слова, требующие, по их мнению, специального комментирования; 2) написать, о чём говорится в текстах, предложенных из переводной современной литературы.

В процессе второго эксперимента (далее – эксперимент № 2) Ии. получили задание дать толкование выделенным комментируемым словам в тексте при отсутствии переводческого комментария. В ходе эксперимента №2 Ии. предлагались для работы 20 отрывков из переводов современной художественной литературы. Целью данного эксперимента было выявить способность читателей «обойтись» без комментария, т.е. понять, каким образом опора на контекст регулирует понимание лакунизированного слова и соответственно текста, содержащего неизвестные читателю элементы.

В качестве Ии. выступили студенты 1–5 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие французский и английский языки в качестве специальности, студенты магистратуры того же университета по направлению «Лингвистика» и студенты Тверского института экономики и менеджмента, изучающие французский и английский языки как иностранные. Общее число Ии. составило 128 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами иноязычной культуры. По гендерному принципу анализ не проводился. Результатом проведения эксперимента №2 и объектом дальнейшего анализа являются субъективные дефиниции, полученные от участников эксперимента (Ии.).

Всего по итогам всех заданий экспериментов было получено от Ии. 3635 ответов (1420 интерпретаций текстов, из них 123 отказа; 2215 субъективных

дефиниций, из них 296 отказов). Количественные характеристики проведённых экспериментов представлены в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2. Количественные характеристики проведённых экспериментов

Эксперимент	Ии.	Количество Ии.	Количество отрывков	Количество ответов
№1	Студенты ТвГУ, студенты ТИЭМ	73	20 (из классической литературы), 20 (из современной литературы)	1420
№2	Студенты ТвГУ	55	20(из современной литературы)	2215
Общее количество		128		3635

2.1.3. Источники и мотивированность выбора стимульного материала

Для эксперимента №1 в качестве источников текстов, предъявленных для работы Ии., послужили 20 отрывков из произведений переводной литературы французских классиков XIX века и 20 отрывков из переводов современной художественной литературы. Из некоторых произведений было отобрано для исследования несколько отрывков, где КС, выделенные и прокомментированные переводчиками, нами не были отмечены. Переводческие комментарии также не предлагались. Ии. получили задание выделить слова, к которым они хотели бы видеть комментарии, и написать, о чём говориться в текстах из переводной современной литературы.

Источником материала для эксперимента №2 послужили 20 отрывков из переводной современной литературы с выделенными КС без комментариев переводчиков к ним. Ии. получили задание прочитать текст и дать толкование,

т.е. субъективные дефиниции к выделенным КС. Более подробно описание источников переводных текстов представлено в табл. 3.

Таблица 3. Источники переводных текстов, содержащих КС

Автор произведения	Название произведения	Переводчик-комментатор
Г. Мопассан	«Милый друг»	А.Н. Чеботаревская
Г. Мопассан	«Заведение Телье»	А. Абкина
О. Бальзак	«Гобсек»	Т. Михайлова
А. Дюма	«Асканио»	А. Худадова
О. Бальзак	«Отец Горио»	А.С. Кулишер
Ж. Санд	«Индиана»	Б.Н. Чупрыгин
А. Стиль	«Сердечный человек»	И. Волевич
А. Стиль	«Шестьдесят четыре мака»	Н. Нолле
Ж. Верн	«Таинственный остров»	М. Салье
Ж. Верн	«Пятнадцатилетний капитан»	И. Петрова
Э. Шмит	«Дети Ноя»	А. Браиловский
А. Гидель	«Коко Шанель»	С. Лосев
Д. Фонкинос	«Идиотизм наизнанку»	М. Тайманова
Б. Обер	«Укус мрака»	А. Серебрянникова
Ф. Бегбедер	«99 франков»	И. Волевич
А. Гавальда	«Просто вместе»	Е. Клокова
Р.Блох	«Психоз»	Р. Шидфор

Предполагалось, что эти задания для экспериментальных исследований будут дополнять друг друга и помогут составить целостную картину понимания переводного текста, содержащего лакунизированные места без комментариев переводчика.

КС в текстах переводов, которые предъявлялись Ии., характеризуются следующими признаками:

1) с точки зрения лексико-грамматической характеристики представляют собой существительные нарицательные, неодушевлённые, конкретные;

2) по своей стилистической принадлежности неоднородны и включают экзотизмы, профессионализмы, историзмы, архаизмы, устаревшие слова. Встречается национально-маркированная лексика, связанная с обозначением культурно-исторических реалий в корпусе КС;

3) в разной степени подвержены ассимиляции языком перевода.

Встречаются КС различного происхождения (заимствования из греческого, французского, английского, немецкого, голландского, испанского, итальянского языков). Заимствования из других языков представляют собой экзотизмы для русскоязычного читателя, поэтому мы их объединили в одну группу с лексикой, связанной с обозначением культурно-исторических реалий в корпусе КС. Характеристика КС, предъявленных Ии. в качестве стимулов для экспериментальных исследований, представлена в таблице (см. табл. 4).

Многие учёные отождествляли понятия культурно-исторических реалий (далее – КИР) с безэквивалентной лексикой (далее – БЭЛ) (Швейцер 1994; Бархударов 1975; Верещагин 1983; Рецкер 1974 и др.); другие исследователи предлагали свои наименования: «культоронимы» (Кабакчи 2007), «чужеязычные слова» (Левый 1974), «экзотическая лексика» (Супрун 1958) и т.д. В нашем исследовании мы придерживаемся позиции С. Влахова и С. Флорина [1980], согласно которой экзотизмы и КИР рассматриваются как подкласс БЭЛ, какой-то частью входящие в БЭЛ и покрывающие реалии, а отчасти – выходящие за их рамки.

Национально-маркированная лексика, связанная с обозначением культурно-исторических реалий в корпусе КС, по-разному адаптируется в принимающей культуре: некоторые слова остаются в неизменном виде, некоторые заимствуются изначально неверно. Особое внимание заслуживают многозначные слова, которые часто оставляют в принимающем языке только одно своё значение (в табл. 4 многозначные слова выделены). Так, в

постэкспериментальном опросе Ии. были удивлены, что слова ЖОНГЛЁР, БУХТА, АМБРОЗИЯ, АМАЗОНКА имеют несколько значений.

Таблица 4. КС, предъявленные Ии. в качестве стимулов

Характеристика КС	Примеры из классической художественной литературы	Примеры из современной художественной литературы
1. Слова, обозначающие культурно-исторические реалии во французском, английском языках и заимствования из других языков; экзотизмы	**амброзия** (греч) бакалавр (лат) **жонглёр** (фр) омнибус (лат) гарнитур (фр) трамонтана (ит) **бухта** (нем) скафандр (фр) фланёр (фр) вольер (фр) ламантин (фр)	сквоттер (англ) стетсон (англ) **пикет** (фр) **гондола** (ит) траппер (англ) **амазонка** (гр) мидинетка (фр) бвана(фр) кажён (фр) сорбет (фр) раклет (фр) кишлорен (фр) иллюминат (лат) квипрокво (лат) пемза (лат) редингот (англ)
2. Профессионализмы и термины	**траверс** (фр) линь (гол) каботаж (фр) **лаг** (гол) малакология (греч)	першерон (фр) копрофаг (лат) бибоп (англ)
3. Устаревшие слова, архаизмы и историзмы	барышник (татар) **раут** (англ) **мэтр** (фр)	**сервы** (фр)

Выделенные переводчиком КС, принадлежащие к разным стилистическим группам, выбор многозначного слова и сам переводческий комментарий свидетельствуют о том, что переводчик-комментатор при составлении комментариев руководствовался несколькими принципами: во-первых, принципом языковой дифференциации, связанным с различением значений полисемантичного слова; во-вторых, социолингвистическим принципом,

учитывающим профессионализмы и архаизмы; в-третьих, лингво-культорологическим принципом.

2.2. Результаты экспериментального исследования комментируемых слов в текстах переводов классической и современной художественной литературы

2.2.1. Анализ результатов эксперимента №1. Совпадения/несовпадения читательских запросов по комментируемым словам с предложением переводчика

Проведение экспериментального исследования процесса идентификации незнакомых слов, к которым Ии. хотели бы видеть комментарии в предложенных фрагментах текстов из классической литературы, предполагало поиск ответа на следующий вопрос: какие слова вызывают затруднения в понимании текста современным читателем. При обработке экспериментального материала мы пришли к выводу, что из 20 слов классической литературы, которые прокомментировали переводчики, 65% были идентифицированы Ии. как подлежащие комментарию. Ии. не отметили как вызывающие затруднения экзотизмы, которые вошли в родной язык Ии. и ассимилировались в нём (ГАРНИТУР, БАКАЛАВР, СКАФАНДР) и многозначные слова (БУХТА, АМБРОЗИЯ, ЖОНГЛЁР), у которых ассимилировалось одно из значений в русском языке. Современный читатель, знающий одно из значений слова, не выделяет такие слова как трудные места.

Анализ КС показал, что можно выделить две категории слов в зависимости от степени востребованности в комментариях. В первую категорию входят экзотизмы (национально-маркированная лексика) (например,

ТРАМОНТАНА, ТРАВЕРС, ОМНИБУС и т.д.), профессионализмы и термины (например, МАЛАКОЛОГИЯ, ЛИНЬ, ЛАМАНТИН и т.д.), устаревшие слова (например, РАУТ, МЭТР).

Вторую категорию слов составляют экзотизмы, которые вошли в язык перевода – родной язык Ии. и у 95% Ии. не вызывают трудности в понимании (например, СКАФАНДР, БАКАЛАВР) и многозначные слова (например, АМБРОЗИЯ, ЖОНГЛЁР, БУХТА), которые современный читатель не выделяет как «тёмные места». Многие КС, выбранные в своё время переводчиками (например, СКАФАНДР, ЖОНГЛЁР, БУХТА, БАРЫШНИК), вошли в активный словарь русского языка и не являются более лакунами для современного читателя. Эти слова ассимилировались, укоренились в лексической системе языка, а их чужеземность, говоря словами А.А. Реформатского, можно открыть «только научно-этимологическим анализом» [Реформатский 1967: 136].

Благодаря межкультурной коммуникации некоторые экзотизмы не вызывают трудностей у современного читателя. Таким образом, вслед за Л.В. Барминой [2011], мы считаем, что комментарии к художественному тексту нуждаются в регулярном пересмотре как в содержательном отношении, так и в отношении к форме представления материала, так как национально-маркированная лексика, непонятная в своё время, не вызывает трудностей у современного читателя.

Результаты выявления согласованности читательских и переводческих позиций при выборе КС в текстах переводной классической литературы представлены в табл. 5.

Таблица 5. КС из классической литературы, вызывающие трудности в понимании текста читателем

КС	Количество ответов Ии. (в %), подтверждающих затруднение в понимании КС
1) экзотизмы (национально-маркированная лексика); 2) профессионализмы, термины; 3) устаревшие слова;	98 97 85
1) многозначные слова; 2)экзотизмы, которые вошли в русский язык	42 31

Анализ КС современной литературы показал, что комментариям в большинстве своем подвергаются национально-маркированная лексика, связанная с обозначением культурно-исторических реалий, и заимствования из других языков, а также профессионализмы и термины. Стоит отметить, что востребованность в комментировании устаревшей лексики и профессионализмов остаётся актуальной для современного читателя. Некоторые многозначные слова (например, ГОНДОЛЫ, АМАЗОНКА) не вызывают трудности у современного читателя, поскольку знакомы ему по одному из значений. Из числа национально-маркированной лексики (экзотизмов) мы не смогли выделить ассимилированную лексику, которая вошла в переводной язык, поскольку в 99% случаев читатель выделяет её как «непонятные слова» (см. табл. 6).

Интересно отметить, что некоторые Ии. выделили и другие слова, которые не были прокомментированы переводчиком. Можем предположить, что студенты, являясь вдумчивыми читателями, провели филологическое исследование текста и выделили то, о чём хотели бы знать больше. В ходе проведённого исследования было получено и проанализировано 1420 ответов

Ии. с указанием слов, которые в 99 % случаев совпадали со словами, прокомментированными переводчиками. Исключения составляют некоторые многозначные слова.

Таблица 6. КС из современной литературы, вызывающие трудности в понимании текста читателем

КС	Количество ответов Ии. (в %), подтверждающих затруднение в понимании КС
1) экзотизмы (национально-маркированная лексика);	99
2) профессионализмы и термины;	99
3) устаревшие слова;	99
4) многозначные слова	67

Вслед за М.Л. Гаспаровым [2004], мы можем утверждать, что по комментариям учатся действительно охотнее, чем по словарю. Ии. нуждаются в объяснении «тёмных мест» в тексте, связанных с особенностями национально-культорологического характера или с употреблением профессиональной лексики. Существует мнение, что в языке принимающей культуры всегда можно найти эквивалентную лексику, но при использовании переводчиком эквивалентов вместо экзотизмов читатель лишается возможности познакомиться с реалиями принимающей культуры. Так, КИШЛОРЕН можно заменить на «запеканку», ОМНИБУС на «автобус» и т.д., но эти замены будут неравноправны, «сотрут» национальный колорит и не познакомят вдумчивого читателя с особенностями передающей культуры.

Делакунизация в виде комментария переводчика вводит дополнительную информацию для формирования адекватной когнитивной структуры в сознании инофона. А функциональный аналог или описательный перевод могут, как справедливо отмечает Т.В. Пшёнкина, привести к нежелательной многословности и «перегрузить текст» или не предоставить достаточной информации [Пшёнкина 2005: 123].

Однако невозможно утверждать, что изобилие экзотизмов с переводческими комментариями является признаком успешного читательского восприятия. Например, в романе Б. Обера «Укус мрака» (переводчик – А. Серебрянникова) неоправданное нагромождение экзотической лексики затрудняет чтение и понимание текста читателями. В предложении «Каждый является СЮЗЕРНОМ какого-то домена, а мы – их СЕРВЫ» переводчик выделил и прокомментировал КС «СЮЗЕРН – феодал – верховный сеньор территории»; КС «СЕРВЫ – полукрепостные крестьяне в средневековой Западной Европе». Подобное злоупотребление экзотизмами, к которым переводчик даёт комментарии, неоправдано и может рассматриваться в принимающей культуре, как справедливо отмечает Н.Л. Галеева, как «фореинизированный курьёз», поскольку экзотизация, которая перегружает текст иностранным «акцентом», делает его для читателя «неудобочитаемым» [Галеева 2011: 142]. Таким образом, ориентирование на будущего читателя лежит в основе выбора КС переводчиком для комментирования.

Итак, изучив ответы Ии., мы пришли к выводу, что в классической литературе многие КС, выбранные в своё время переводчиком, вошли в активное пользование Ии. В современной литературе практически все комментируемые переводчиками слова (99%), за исключением некоторых многозначных слов, оказались незнакомыми для современного читателя. Трудно не согласиться с Р.И. Розиной [1988], что «появление новых культурно-исторических генераций читателей вызывает необходимость новых и новых комментариев, ориентированных на их сознание…» [Розина 1988: 266].

На втором этапе эксперимента №1 мы поставили задачу выяснить, насколько незнакомые КС современной художественной литературы влияют на понимание текста читателем при отсутствии переводческого комментария. Ии. получили задание написать, о чём идёт речь в предложенных им 20 отрывках из переводной современной литературы.

Работы Ии. были проанализированы по следующим параметрам: 1) понимают/не понимают Ии. описание событий, характеристику героев; 2) является ли описание достоверным, не противоречит ли тексту. Отсутствие знания значения КС по-разному повлияло на результат понимания текста читателями, так как, встречаясь в тексте с некоторой ситуацией, Ии. предполагают её развитие, опираясь на свои знания, опыт и текст (см. рис. 6). При понимании текста важна опора на контекст и ситуацию, а именно, включённость в ситуацию, степень её знакомости.

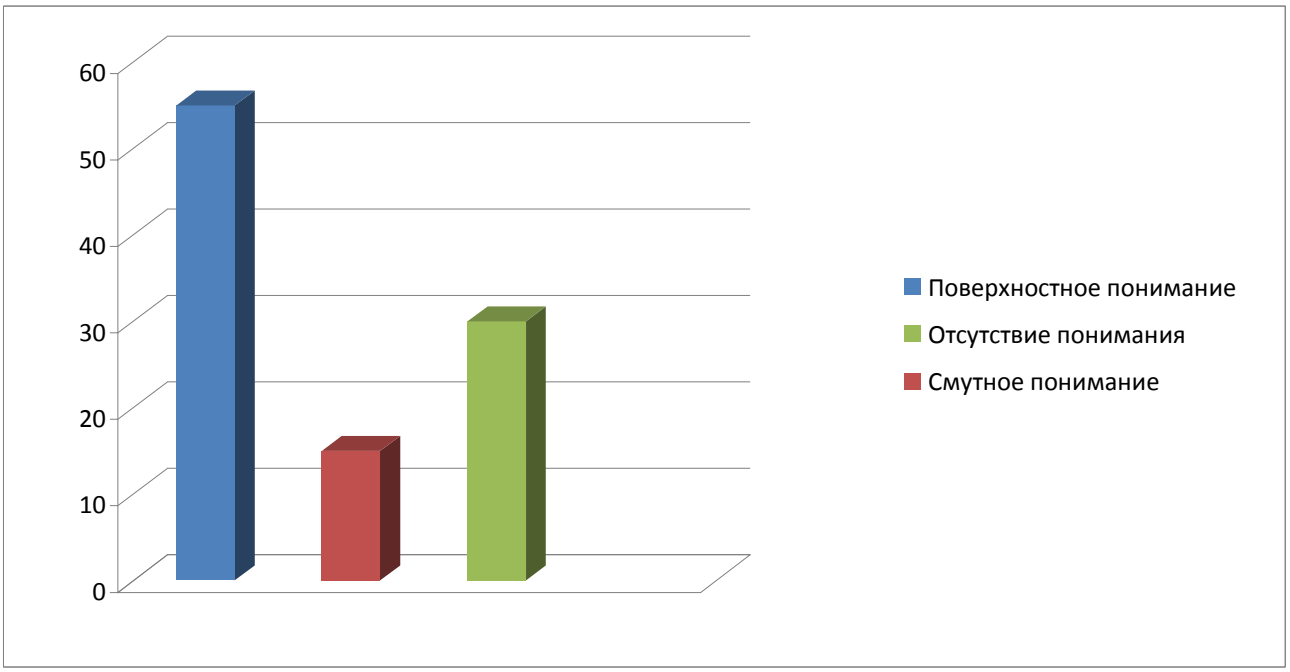


Рис. 6. Степень понимания текстов с КС при отсутствии переводческого комментария

Проанализировав анкеты, мы пришли к выводу, что 55% текстов были «поверхностно» поняты Ии. Так, Ии. поняли, что в тексте герои «что-то разучивали» (БИБОП), «что-то готовили» (КИШЛОРЕН), «что-то ели» (СОРБЕТ), «наливали какой-то напиток» (ПИКЕТ) и т.д. Опираясь на контекст, знания культурологического порядка, эмоционально-оценочные переживания,

формальные и функциональные признаки слова, Ии. смогли «схватить» приблизительное значение КС. Следует отметить, что в процессе субъективного дефинирования к результату идентификационного процесса приводило в большинстве случаев взаимодействие опорных элементов. Так, опора на внешний контекст и эмоционально-оценочные переживания взаимосвязаны, так как слово в тексте не воспринимается изолированно. Опора на функциональный признак слова также взаимообусловлена контекстом.

Важным фактором является то, что каждая опора функционирует не сама по себе в процессе понимания текста, а как импульс для раскручивания спирали, как средство углубления витков этой спирали [Залевская 2007]. Если в тексте идёт речь о том, что наливали «дешёвый ПИКЕТ в хрустальный графин», значит, речь идёт о *гнилухе, портвейне, вине, каком-то напитке*. Если в тексте упоминается, что главный герой предпочёл съесть СОРБЕТ, а не блины, то читатель понимает что речь идёт *о каком-то десерте*. Отсутствие знания, какой точно десерт или напиток были упомянуты, обедняет понимание текста читателем, но не «уводит» понимание читателей в сторону, противоположную авторскому замыслу.

30% текстов были не поняты Ии., поскольку описание событий испытуемыми противоречило замыслу текста автора. В романе Б. Обера «Укус мрака» Аньелло восклицает: «В этом деле вы – большой БВАНА.» Интерпретации Ии. разделились: 40 Ии. решили, что Аньелло сделал комплимент своему собеседнику, а 33 Ии. интерпретировали это высказывание как оскорбление (например, *Аньелло сказал, что в этом деле Марвин – болван*). В комментарии переводчицы А. Серебрянниковой: «БВАНА – вождь африканского племени». Итак, понимание текста многими Ии. противоречило замыслу текста оригинала.

В романе Ф. Бегбедера «99 франков» фрагмент из текста, в котором речь идёт о том, что нужно «прислушаться к мнению потребителей, которые увидят

в супермаркетах наши гондолы», вызвало непонимание у всех Ии.: 55 из 73 Ии. поняли, что магазин *специализируется по продажам венецианских гондол*, 7 Ии. решили, что главный герой *пошлит*, 1И. отказался интерпретировать отрывок. Русскоязычный читатель знает только одно значение слова «гондолы» и не знаком с культурологическими особенностями Франции, где гондолами называют рекламные плакаты в супермаркетах. Интересно отметить, что «Словарь иностранных слов» [1986] также не даёт этого значения, и только во французском словаре «Hachette» для слова gondole приводится не только значение «венецианская лодка», но и наименование «длинной вывески для представления товаров в магазинах для самообслуживания» [Hachette 2006]. Таким образом, вследствие незнания, русскоязычный читатель интерпретирует отрывок совершенно иным, противоречащим авторскому замыслу образом. Неверная идентификация читателем КС ГОНДОЛЫ без комментария переводчика отдаляет проекцию текста читателя от текста автора (см. рис. 7).

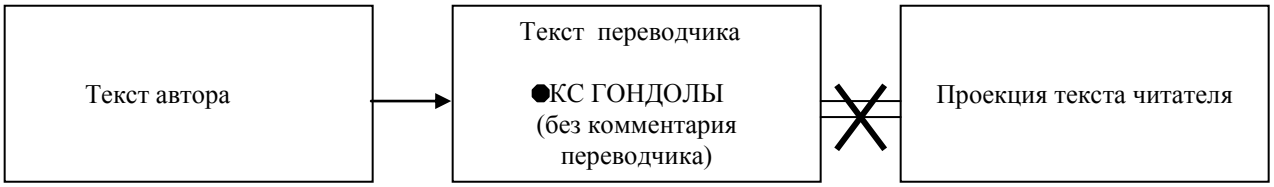


Рис.7. Неверная идентификация КС

В данном тексте комментарий переводчика необходим: он знакомит читателя с новым значением слова, с культурологическими реалиями страны, способствует созданию читательской проекции текста в том направлении, в каком хотел направить читателя автор оригинала.

Особый интерес для нас представляют отрывки, в которых понимание лакунизированного слова связано со знанием языка той страны, в которой был создан оригинал. Так, из 73 анкет только 7 содержали комментарии к

предложенному отрывку из повести Эрик-Эмманюэля Шмитта «Дети Ноя». Эти анкеты принадлежат студентам, изучающим французский язык, остальные Ии. либо отказались комментировать, либо не поняли иронию автора. В этой повести некоторые контексты действительно непонятны русскоязычному читателю, незнакомому с французским языком: «А этот отец Понс, – спросил я, – имеет какое-нибудь отношение к пемзе?» («Пемза по-французски – pierre ponce, что произносится похоже на pere Pons (отец Понс) перевод А. Браиловского). 80% Ии. предположили, что вопрос задан *к роду деятельности главного героя, который связан с добычей пемзы.* А на самом деле, герой подсмеялся над фамилией, которая на французском языке созвучна со словом «пемза».

Без переводческого комментария затруднение в понимании вызвал и отрывок из романа Р. Блоха «Психоз». В тексте обсуждаются изменения качества еды в современных местах общественного питания. Утверждая, что эти изменения происходят не в лучшую сторону, герой произнес: «Знаете старую поговорку: ты то, что ты ешь. Если это правда, то большинство людей, должно быть, КОПРОФАГИ». 35% Ии. решили, что большинство людей должны быть в тексте *глупцами, психически нездоровыми людьми.* Ии. поняли, что КОПРОФАГИ – *что-то плохое*, но незнание значения этого слова «увело» понимание в направлении, противоположном авторскому замыслу. Так, 12 Ии. решили, что в тексте *речь идёт о людях, которые много едят;* 11 Ии. написали, что в тексте обсуждается *плохое меню ресторана;* 4 Ии. отметили, что *люди – обжоры и могут всё съесть;* 2 Ии. отметили, что в тексте *речь идёт о биологах, которые что-то обсуждают;* 4 Ии. решили, что в тексте *людей сравнивают с губками (с мхом), которые всё впитывают (и хорошее, и плохое).* 25% Ии. смогли правильно понять текст благодаря знанию значения слова. Стоит отметить, что анкеты трёх Ии. содержали полные дефиниции, которые можно сравнить с энциклопедическими: КОПРОФАГ – *копро (испражнения), фаг (ос)*

– *поедание.* Языковые знания способствовали и верной авторскому замыслу интерпретации: Ии. поняли, что в тексте герои сравнивают фастфуд с поеданием отходов.

В романе Р. Блоха «Психоз» объектом обсуждения героев стало также вымышленное имя шведа Уинг-Чу, который содержал ресторан. Перед тем как взять меню Эмма переставила слоги местами и рассмеялась воскликнув: «ЧУ-УИНГ?.. Но вы говорите, что кормят здесь хорошо?» Ии. идентифицировали ЧУ-УИНГ как *китайское имя; название инструмента; еда для собак; звук, издаваемый птичкой; название китайской стены; что-то плохое; предмет, обозначающий несъедобное.* В интерпретациях к данному отрывку Ии. написали, что герои текста обсуждали забавное имя, но они не поняли, почему рассмеялась Эмма. 42 Ии. из 73 решили, что *смех спровоцировало имя, которое похоже на название еды для собак, китайской тюрьмы, звук птички* и т.д. Ии. не смогли связать вымышленное имя с глаголом chew(ing) (жевать) и понять шутку, оценив остроумие героини, связавшей имя хозяина ресторана с плохо приготовленным жёстким бифштексом из некачественного мяса, который было трудно прожевать.

Интересно отметить, что 2 Ии. идентифицировали ЧУ-УИНГ как *что-то плохое,* а 1 И. решил, что в тексте высмеивается имя хозяина по ассоциации с глаголом *чуять.* Такая интерпретация нам показалась особенно интересной, поскольку И. провел аналогию с русским глаголом, очевидно забыв, что текст является переводным произведением с английского языка. Подобные примеры могут подтверждать, что незнание языка оригинала порождает непонимание аллюзий автора и соответственно текста, но нашими Ии. были студенты, изучающие французский и английский языки. В соответствии с типологией искусственной билингвальной личности, разработанной Е.К. Черничкиной [2007], наши Ии. представляют собой рефлексирующих теоретиков и рефлексирующих практиков. Учитывая тот факт, что рефлексирующий

теоретик не имеет навыков практического применения, а рефлексирующий практик имеет недостаточную скорость переключения языков, мы можем утверждать, что Ии. воспринимали переводной текст как текст родной культуры, не прибегая к его филологическому исследованию, к целенаправленной интерпретации текста. Иными словами, «базовый процесс понимания» оказался достаточным для «наивного читателя» [Залевская 2001: 158]. Очевидно, читатели, не изучающие иностранные языки, встретят больше трудностей в понимании подобных текстов без переводческого комментария.

Декодирование скрытого смысла читателем-инофоном предоставляется возможным только через комментарий. Как справедливо отмечает Т.В. Евсеева [2007], любой переводной текст включает элементы «чужой» культуры, которые указывают на своеобразие, оригинальность произведения как иностранного, что и делает текст информационно-недостаточным. Информация о другой культуре, необходимая для адекватной интерпретации, содержится в комментарии переводчика.

15 % текстов были поняты частично из-за смутного представления о значении КС. Так, в романе Анри Гидель «Коко Шанель» некоторые лакунарные фрагменты могут быть частично поняты благодаря контексту («Тебе потребуется амазонка, – добавил он. – А пока тебе её сошьют, Сюзанн одолжит тебе свою» переводчик С. Лосев). Без переводческого комментария можно понять, что АМАЗОНКА – *одежда, платье, наряд, набедренная повязка,* но понимание будет неполным, так как трудно понять, о каком точно наряде идёт речь. 60% Ии. идентифицировали слово АМАЗОНКА как *набедренная повязка* и не поняли, почему главной героине она потребуется. Очевидно, идентификация произошла под влиянием того факта, что амазонками называли «воинственных женщин, живших у берегов Черного моря и совершавших походы в соседние страны» [Словарь иностранных слов 1983]. Знание этого факта дезориентировало Ии.: с одной стороны понятно, что героине сошьют

какой-то наряд, но с другой стороны, непонятно почему ей понадобился наряд амазонки. Ии. смутно поняли отрывок из-за незнания второго значения слова АМАЗОНКА – «женское длинное платье специального покроя для верховой езды» [Словарь иностранных слов 1983]. Очевидно, знание этого факта оказалось энциклопедическим, но не «живым знанием» для русскоязычного читателя, что и привело к смутному пониманию текста.

На первый взгляд, кажется, что такие потери несущественны для текста, но как справедливо отметил У. Эко, «оставаясь несущественными, они отнюдь не становятся несуществующими» [Эко 2005: 47].

Декодирование лакунизированного слова Ии. может реализоваться фокусированием внимания на признаки слова и опоры в тексте. Но различающиеся признаки в культуре приводят к непониманию или смутному пониманию текста. В романе А. Гавальды «Просто вместе» главная героиня, осуждая беспорядок в комнате Филибера, воскликнула: «Скажите, Филибер, что это за квартира? Кто здесь хозяин? И почему вы живёте словно сквоттер?» 82% Ии. идентифицировали СКВОТТЕР – *бомж, бездомный, бродяга*; 5% Ии. решили, что СКВОТТЕР – *скотина*. В комментарии переводчицы Е. Клоковой: «СКВОТТЕРЫ – люди, самовольно вселяющиеся в пустующие квартиры». На первый взгляд кажется, что Ии. поняли текст, и неточная идентификация не повлияла на его понимание. Ии. поняли, почему обиделся Филибер на слова девушки, но не поняли, почему он начал объяснять свои юридические формальности с наследством, которые ему необходимо было быстро уладить из-за боязни тех самых СКВОТТЕРОВ. В тексте Филибер подчеркнул, что «это не какие-нибудь парни-наркоманы с булавкой в ноздре, а люди, которые одеты куда лучше, зато ведут себя не слишком элегантно…». Эта характеристика «запутала» Ии. Если СКВОТТЕРЫ – *бомжи, бездомные, бродяги,* то почему они хорошо одеты?

Сквоттинг как явление приобрёл широкие масштабы во времена английской революции и в настоящее время его можно сравнить с захватническим владением, из-за которого фактический обладатель недвижимости не может получить юридическое право собственности на эту недвижимость. Знание этого факта доказывает неуместность сравнения сквоттеров с бомжами и провоцирует неполное смутное понимание текста читателем.

Таким образом, элементы, не входящие в информационный тезаурус читателя-инофона, объединяющий языковые, экстралингвистические знания и соответственно эмоциональные впечатления вызывают непонимание, поверхностное или смутное понимание текста читателем без переводческого комментария.

Стоит также отметить, что многие многозначные слова, которые известны Ии. благодаря только одному значению, можно назвать «ложными друзьями читателя» по аналогии с «ложными друзьями переводчика». С одной стороны, читатель знает одно из значений и не задумывается о том, что существуют и другие (например, читателю кажется, что он знает КС ГОНДОЛЫ, АМАЗОНКА). С другой стороны, отрывки с этими КС направляют понимание читателей совсем не туда, куда хотел направить автор исходного произведения, употребляя многозначное слово совсем в другом значении.

Краткое примечание дорисовывает привычные свойства объекта, и при необходимости дополняет слово новыми значениями, необходимыми для понимания текста. Комментарий представляет особенности процесса когнитивной обработки информации переводчиком, уравнивая реципиентов оригинала и транслята в возможностях выйти на аналогичные когнитивные структуры, включиться в интерпретативный процесс смысловосприятия [Пшёнкина 2005: 125]. Придерживаясь подобных истолкований комментария,

можно выделить в переводческом комментарии функцию уравнивания реципиентов разных культур.

Итак, были поверхностно поняты тексты с КС БИБОП, СТЕТСОН, ИЛЛЮМИНАТ, ТРАППЕР, КАЖЁН, ПЕРШЕРОН, КИШЛОРЕН, СОРБЕТ, ПИКЕТ, СЕРВ, РЕДИНГОТ. Смутное понимание вызвали тексты с КС АМАЗОНКА (у 60% Ии.), МИДИНЕТКА (у 82% Ии.), СКВОТТЕР (у 87% Ии.). Ии. не поняли тексты с КС ГОНДОЛЫ (99% Ии.), КВИПРОКВО (78% Ии.), ПЕМЗА (90% Ии.), БВАНА (44% Ии.), КОПРОФАГ (75%), РАКЛЕТ (99% Ии). Мы полагаем, что в текстах с КС КВИПРОКВО, БВАНА опора на образ ситуации «как совокупную единицу знания и переживания» оказалась слабой для идентификации незнакомого КС в контексте и понимания текста. Знание только одного значения КС ГОНДОЛЫ и отсутствие представления о другом значении направили понимание Ии. в сторону, противоречащую замыслу автора оригинала. Ии. не поняли, что речь в тексте идёт о рекламных щитах, а не о венецианских гондолах.

Опираясь на идею У. Эко о сотворческой роли читателя, который актуализирует текст, мы рассматриваем создание «текстового комплекса» переводчика как сотворческий процесс. В ходе этого процесса переводчик учитывает трудности, с которыми может столкнуться будущий читатель, для того, чтобы направить его «единственно возможным правильным способом, т.е. именно так, как автор произведения хотел направить его внимание» [Эко 2005: 89].

2.2.2. Анализ результатов эксперимента №2. Анализ субъективных дефиниций исследуемых слов с опорой на контекст без переводческого комментария

Анализ реакций, полученных во втором эксперименте, позволил выявить ряд опор, к которым прибегали Ии. при толковании КС в тексте. В субъективных дефинициях Ии. к КС из отрывков современной художественной литературы отражалось и действие единиц ядра ментального лексикона. В качестве реакций при субъективных дефинициях единицы ядра выступали самостоятельно и в составе словосочетаний, ядром которых они являлись. Это объясняется тем, что Ии. пытались разъяснить значение не только для себя, но и для «другого». Как показано в исследованиях Н.О. Золотовой [2005], задаче разъяснения одних слов через другие наиболее полно отвечают слова ядра ментального лексикона.

Выделенные опоры расположены в порядке убывания их актуальности. Слова, принадлежащие к ядру ментального лексикона носителей русского языка, подчёркнуты в реакциях Ии.

- Опора на внешний вербальный контекст. Внешний контекст помогает спроектировать ментальный образ всей ситуации, на основе которой создаётся репрезентация КС (см. пример, МИДИНЕТКА «предпочитает артистам великих князей», значит, она – *проститутка;* «говорят на КАЖЁНЕ» – *говорят на каком-то языке; используют какой-то язык;* «приготовить КИШЛОРЕН» – *приготовить какое-то блюдо;* «наливать ПИКЕТ» – *наливать какой-то напиток*). Если в тексте идёт речь о манере героини «носить широченные РЕДИНГОТЫ», то Ии. понимают, что РЕДИНГОТ – *одежда, брюки, пальто, платье*.
- Опора на функциональный признак предмета, обозначенного КС (см. пример, если «АМАЗОНКУ сошьют», то это какая-то *одежда, платье,*

костюм; если «СТЕТСОН надвигают на брови», то это какая-то *шапка, головной убор*; если «играть в ТРАППЕРОВ», то это какая-то *игра, играть в казаков-разбойников, игра в снайперов*; если «разучивали БИБОП», то разучивали *танец, танцевали, модный танец*).

- Опора на эмоционально-оценочные переживания (см. пример, если «наливать дешёвый ПИКЕТ» – наливать *портвейн, гнилуху*, *дешёвое вино*; если «вы живёте словно СКВОТЕРЫ» – словно *бомжи, скоты, бомжуете*; «В этом деле вы – большой БВАНА» – *умник, специалист, профан, дурак, умный человек*, *глупый человек*; «Ты пьёшь, и твой пиджак насквозь пропах РАКЛЕТОМ» – *помойкой, водкой, спиртом, пивом, мусоркой, гадостью, перегаром, вином*, т.е. чем-то плохим и неприятным, что свойственно для пьющего человека).
- Опора на перевод части слова. Некоторые субъективные дефиниции мы отнесли к попытке Ии. дать перевод части слова и «додумать» значение через контекст. Стоит отметить, что подобные опоры не всегда способствовали узнаванию слова (см. пример, МИДИНЕТКА – швея, выходящая в полдень на обеденный перерыв) идентифицировалась Ии. как *женщина среднего класса, женщина/девушка среднего образования, посредственная женщина*, *полуденка, женщина/девушка среднего возраста,* так как midi на французском языке обозначает *полдень, половина/середина.* Таким образом, неверная идентификация КС МИДИНЕТКА без переводческого комментария отдаляет проекцию текста читателя от проекции текста автора. В постэкспериментальном опросе Ии. высказали своё удивление непониманием того, почему женщина с средним образованием или среднего класса должна «*предпочитать артистам великих князей*».
- Опора на формальные признаки слова. При обработке материалов мы пришли к выводу, что при встречи с малознакомым словом Ии. иногда прибегают к знакомым морфемам и цепочкам фонем/графем как к опорным

элементам. Этими элементами могут быть части слова, встречающиеся в других известных для Ии. словах. Опоры могут быть как на префиксальный, суффиксальный, корневой элементы, так и на цепочки графем/морфем сходных по звукобуквенному комплексу с другими словами. Л.В. Банкевич называет эти части «ключевыми точками», которые служат магнитом для притягивания других слов [Банкевич 1981: 27] (см. пример, «Коко – попросту МИДИНЕТКА…» (швея): *марионетка*; «В этом деле вы – большой БВАНА» (вождь племени): *болван*; «Они что, члены какой – то секты ИЛЛЮМИНАТОВ» (секты Баварии): *иллюминатор*; «Филибер предпочёл СОРБЕТ» (фруктовое мороженое): *щербет, десерт, какой-то десерт*; «Ладно, раз надо играть в трапперов…» (северо-американские охотники) – *снайперы*; «Пока ровесники разучивали БИБОП» (танец) – *хип-хоп;* «Они говорят на КАЖЁНЕ» (говор жителей Луизаны) – на *жаргоне*.

Для большей наглядности степень актуальности опор у Ии. изображена на рисунке (см. рис. 8). Анализ субъективных дефиниций Ии. к КС из отрывков современной художественной литературы позволил выделить в качестве основной стратегии стратегию идентификации слова через внешний вербальный контекст. Как справедливо отмечает Н.М. Ткаченко, при идентификации слова в контексте формальные признаки слова становятся неактуальными, а поиск слов ведётся по ряду смысловых признаков, которые «пересекаются друг с другом и объединяют слова в разного рода группы» [Ткаченко 2007: 7]. Объединение слов по смыслу при этом отражает знание информанта о мире, а поиск и идентификация слов в памяти человека может основываться на комбинациях формальных признаков с признаками семантическими [Ткаченко 2007].

Рис.8. Степень актуальности опор у Ии. при толковании КС в тексте

КС в тексте не изолировано и его восприятие индивидом сопровождается восприятием целостности фрагмента художественной реальности с извлечением из памяти некоторого индивидуального ситуативного контекста, опираясь на который Ии. и строят предположения. На примере КС МИДИНЕТКА (см. рис. 9) рассмотрим степень актуальности опор у Ии.

Слово «мидинетка» (midinette) вошло во французский язык в конце XIX века и означает: 1) молодая парижская модная швея; 2) наивная сентиментальная девушка [Le Petit Larousse 1994]. Можно сформулировать следующие выводы, которые наглядно изображены на рисунке, относительно идентификации слова МИДИНЕТКА в тексте. 78% Ии. опирались на контекст и эмоционально-оценочные переживания при идентификации слова; 10% Ии. – на перевод части слова (midi); 5% Ии. – на формальные признаки; 7% Ии. отказались давать дефиниции. Ии. не смогли распознать значение этого лакунизированного слова. Вслед за Т.В. Пшёнкиной, мы считаем, что чем «маркированнее знак в культурной универсуме переводящего языка, тем

меньше его интерпретативная сила, тем больше информации потребуется при его переводе» [Пшёнкина 2005: 123].

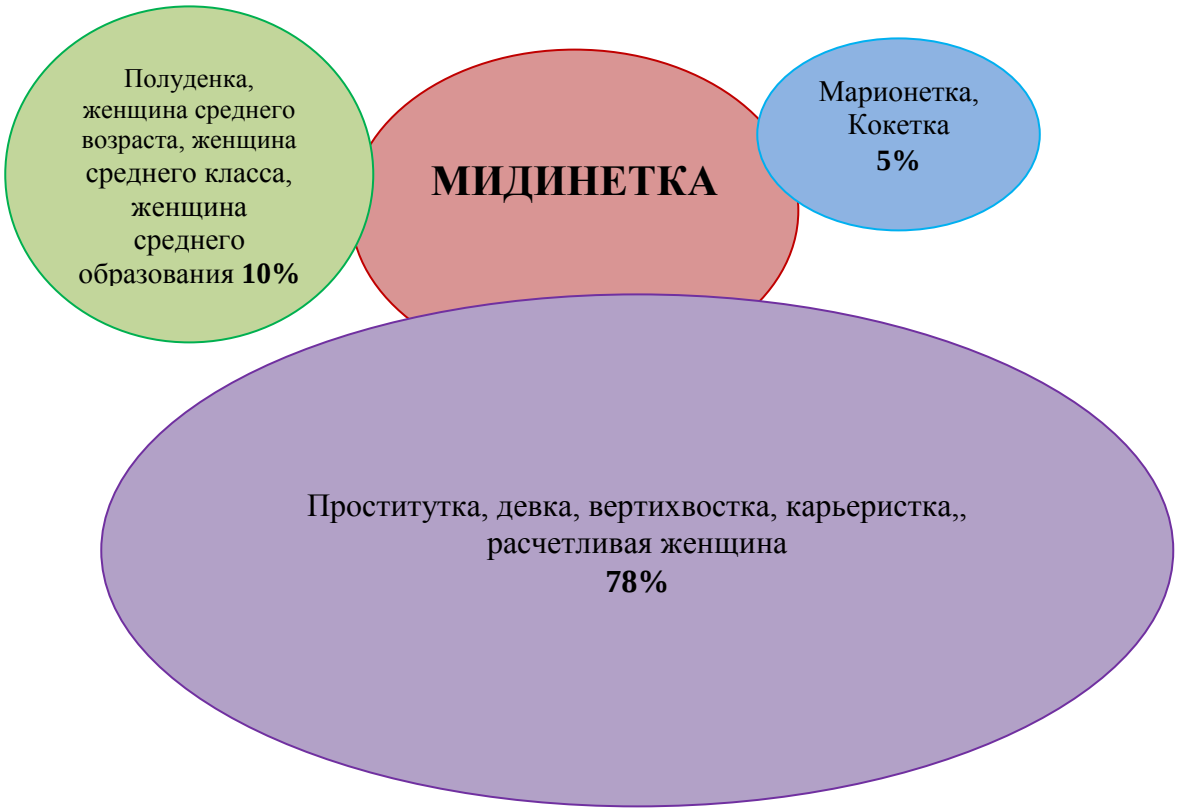


Рис.9. Идентификация КС МИДИНЕТКА в тексте

Опора на образ ситуации в тексте иногда вызывает противоречивое толкование КС без комментария переводчика. Вслед за И.В. Воскресенским, под ситуацией в тексте мы понимаем «конкретный информационный комплекс, включающий в себя дескриптивные и нарративные элементы» [Воскресенский 2007: 10]. Так, в тексте Д. Фонкиноса «Идиотизм наизнанку»: «После многочисленных КВИПРОКВО с удивлением обнаруживаю, что говорю не с матерью, а с зашедшей к ней соседкой» (КВИПРОКВО – путаница, принятие одного за другое, подмена). Слово КВИПРОКВО вошло во французский язык из латинского еще в XV веке (с латинского «quid pro quo», что означает на

французском «un quoi pour un ce que»). Ии. идентифицировали это слово как *спор, беседа, разговоры, расспросы, пререкания, дебаты, ссора, вечеринка, наркотик, пьянка.* Очевидно, идентификация произошла под влиянием перевода отдельных частей слова qui – кто, que – что (кто *pro* что – какие-то разговоры, беседы, споры и т.д.), а также контекста, по которому Ии. сделали заключение, что с удивлением обнаружить что-то неожиданное можно после вечеринок, наркотиков, пьянок. Неверное толкование КС не может репрезентовать нужные образы в сознании читателя, а, следовательно, проекции текста автора и читателя не «состыкуются» из-за отсутствия дополнительной информации о содержании значения КС в тексте переводчика.

Можно предположить, что Ии., стараясь дать толкование КС, опираются на внешний и внутренний контекст. Таким образом, «осмысление неизвестного слова и идентификация его значения носителем языка происходит не только под влиянием вербального контекста», т.е. внешнего контекста, но и «вследствие непосредственной активации предшествующего языкового и энциклопедического опыта, т.е. в рамках перцептивно-когнитивно-аффективного контекста функционирования слова в индивидуальном сознании, т.е. внутреннего контекста» [Ткаченко 2007: 9]. С позиций психолингвистической теории слова КС выступает как «средство актуализации и подсознательного учёта специфической совокупности вербальных и невербальных связей по линиям перцептивного, когнитивного и аффективного опыта человека» [Залевская 1992: 68– 69].

Благодаря опорным элементам текста, выводным знаниям читатель схватывает главное предметное значение слова, но не может дать точного ответа из-за отсутствия конкретного представления о предмете и недостаточного количества опорных элементов. Например, КИШЛОРЕН – *какая-то еда, блюдо, национальное блюдо;* ТРАППЕРЫ – *игра, какая-то игра, ковбойская игра и* т.д. По опорам контекста читатель понимает, о чём говорится

в целом, и строит предположения по поводу выделенного КС. Мы полагаем, что на результаты разных предположений Ии. оказали влияние разнообразные виды знаний (индивидуальное, коллективное, выводное). Ассоциативная структура значения слова может рассматриваться как отображение доступа к знаниям, находящимся на различных глубинных уровнях лексикона человека. Именно слово, которое трактуется в психолингвистике как средство доступа к единой информационной базе человека – его памяти, индивидуальному и социальному знанию, «играет решающую роль в процессах понимания текста» [Залевская 2007].

Но, как отмечает А.А. Залевская, «важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом» [Залевская 2009: 16]. Из-за несоизмеримости культурного наполнения одно и то же слово может не вызывать у читателя переводного текста те ассоциации, которые вызывает у читателя слово текста оригинала.

Так, в отрывке Ф. Бегбедера «99 франков» КС РАКЛЕТ было опознано как *водка, спирт, помойка, гадость, пиво, перегар* благодаря опорным элементам «ты пьёшь» и «от тебя пахнет РАКЛЕТОМ». Реакции-дефиниции Ии. оказались далеки от переводческого комментария: «РАКЛЕТ – сорт пахучего сыра» (переводчик-комментатор – И. Волевич). Дефиниции Ии. построены на образах, взятых из повседневной жизни, в которой запах сыра в России никак не ассоциируется с пьющим человеком. Для русскоязычного читателя сыр также не ассоциируется с резким запахом. В основе реакций Ии. к КС РАКЛЕТ можно выделить как самый актуальный признак «алкогольный запах», присутствующий в 58% ответах и сформулированный кратко: пахнет *пивом, водкой, спиртом, вином, перегаром.* 42% Ии. указывают на плохой, дурной запах: пахнет *помойкой, свалкой, мусоркой, гадостью.* Все дефиниции Ии. отмечаются общим эмоциональным фоном, присутствующим в ответах. Контекст вызывает неодобрение, и даже пренебрежение, вследствие чего КС

РАКЛЕТ приобретает отрицательную коннотацию у русскоязычного читателя. Часто эмоционально-оценочные переживания к слову в тексте взаимообусловлены контекстом. В данном случае негативная оценка КС РАКЛЕТ объясняется тем, что пьющий человек не может пахнуть хорошо. Более наглядно опора на эмоционально-оценочные переживания, взаимообусловленная контекстом, к КС РАКЛЕТ изображена на рис.10.

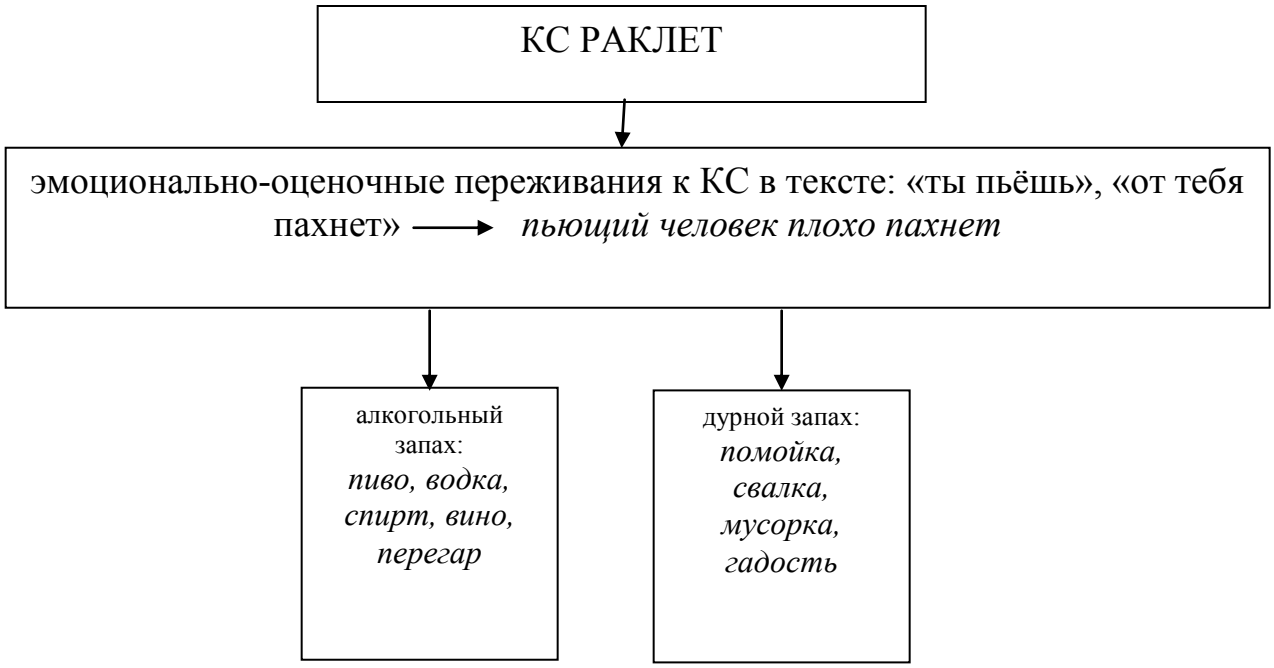


Рис.10. Опора на эмоционально-оценочные переживания

2.2.3. Особенности проекций текста, созданных разными типами читателей с опорой на комментарий

Изучив анкеты Ии. с субъективными дефинициями к КС и интерпретациями текстов, содержащих КС, мы пришли к выводу, что современный читатель, встретившись с «тёмными местами» в тексте, избирает различные ходы интерпретаций и тактики выхода из сложных ситуаций.

Несмотря на то, что нашими Ии. были студенты – искусственные билингвы, изучающие французский/английский языки и культурологические особенности стран изучаемых языков, невозможно представить среднестатистического читателя даже в заданном социальном контексте.

У. Эко утверждает, что каждый автор предполагает среднестатистического читателя, сравнивая создание текста с созданием рекламы, которая адресуется некой предположительной аудитории потребителей [Эко 2005: 20]. Исследователь справедливо утверждает, что любой автор желает предвидеть «идеального читателя», способного «овладеть различными кодами и готового воспринимать текст как лабиринт, состоящий из множества запутанных маршрутов» [Там же, 21].

Интересно отметить, что А.С. Бессонова [1999], на наш взгляд, абсолютно заслуженно называет В.В.Набокова идеальным читателем по отношению к роману «Евгений Онегин», трактуя набоковский перевод с комментарием как результат «многофокусного прочтения» произведения [Бессонова 1999: 289]. В работе [Бессонова 1999] под «идеальным» понимается такой читатель, который «способен заглянуть за черту страницы, не поверив авторской точке…» [Там же, 289]. Другими словами, представляется, что «идеальный читатель» стремится к внимательному прочтению текста, к его исследованию, к анализу его вертикального контекста.

Но реальный читатель отличается от среднестатистического, и тем более от «идеального». Чтение любого текста зависит от опыта читателя по отношению к чтению других текстов, его характера, знания культурологических особенностей страны, в которой был создан текст и т.д. Справедливости ради отметим, что для каждого отдельного автора есть свой «идеальный» читатель. Полностью разделяя гипотезу Э. Геннекена о психическом сходстве читателя и писателя, вступающих в общение посредством книги, Н.А. Рубакин [1977] указывал на необходимость создания теории научно обоснованной пропаганды

чтения и библиопсихологии как науки о восприятии и распространении книг. В исследовании автор ставил задачу поиска факторов, влияющих на обращение читателя к той или иной книге, рассматривая характер связей не только в системе «книга – читатель», но и в системе «идея – читатель». Подчеркивая важность выявления индивидуальных и групповых особенностей реципиентов, исследователь стремился исследовать текст как стимул для формирования тех или иных проекций у читателей (или типов читателей).

О проблеме существования разных читателей говорит и С.А. Рейсер, утверждая, что комментарии в тексте «должны удовлетворять и вполне квалифицированного читателя, и читателя так называемого массового…» [Рейсер 1978: 162]. Исследователь уточняет, что само понятие «массовый читатель» в достаточной степени «непрояснённое, точнее сказать, недифференцированное» [Там же, 162]. Трактуя под «массовым читателем» очень разнообразный круг лиц, как гуманитарного так и негуманитарного профиля, С.А. Рейсер справедливо считает, что «неровность» читателя осложняет его «обслуживание».

О существенной роли влияния совместимости психологических портретов автора и читателя в принятии/непринятии текста читателем говорит и В.П. Белянин [2000], утверждая, что для более глубокого понимания художественного текста всё его содержание должно быть соотнесено с жизненным опытом читателя как личности. При чтении текста происходит проникновение в авторский замысел, общение с писателем. Важны не столько логичность и аргументация в употреблении языка, сколько эмоциональное воздействие текста на читателя, ибо через формирование эмоционального отношения к сказанному текст быстрее «находит своего читателя» [Белянин 2000: 209].

Результаты эксперимента с применением «Проективного литературного теста», который был создан на основе типологии художественных текстов,

показали, что читатели оценивают художественное произведение в зависимости от эмоционально-смысловой доминанты текста и от своих личностных характеристик [Белянин 2000]. Эксперимент подтвердил также гипотезу Геннекена-Рубакина, в соответствии с которой читатель выбирает для чтения те книги, которые отражают имеющиеся у него и понятные ему психические состояния.

Подчёркивая, что существование «среднего» читателя невозможно по определению, В.А. Миловидов [2007] совершенно справедливо утверждает, что некая референтная группа читателей переживает в своём формате произведения А. Бушкова или О. Робски, и этот формат эстетического и художественного переживаний не будет совпадать с тем, что и как переживают читатели Ф. Достоевского или У. Эко.

Таким образом, разная литература ориентируется на разного читателя. Важна гармония авторской интенции и читательского типа. Для «бульварного» писателя идеальным станет «бульварный» тип читателя. В данном исследовании, вслед за У. Эко, под «идеальным» читателем понимается читатель, склонный к филологическому исследованию текста, к его углублённому прочтению. На наш взгляд, именно такой читатель будет желанным и «идеальным» для любого типа автора.

Изучение поведения современного читателя, встречающего в тексте лакуну, представляется необходимым для исследования взаимодействия автора, переводчика и читателя. Нам кажется целесообразным связать типологию читателей, которые интерпретируют текст, предложенную У. Эко, с типологией речевых культур И.А. Стернина, которая используется при описании типов носителей языка одной речевой культуры, поскольку чтение текста влияет на носителей языка, а речевая культура соответственно влияет на восприятие и понимание текста.

Опираясь на теорию типов речевой культуры, разработанную О.Б. Сиротининой, И.А. Стернин [2013] выделяет следующие типы носителей речевых культур, формируемые в процессе обучения, воспитания и социализации личности: элитарный, литературный, среднелитературный, фамильярно-разговорный, просторечно-жаргонный. По мнению учёного, «элитарный тип» – это идеальная модель речевой культуры, к которой надо стремиться, «но в полном объёме воплотить данный тип практически невозможно» [Стернин 2013: 3].

Литературный и среднелитературный типы достаточны для цивилизованного общества, а остальные выпадают из норм культуры общения. Наиболее важными для нас характеристиками литературного типа являются рефлексивный тип интеллекта, неудовлетворенность своим интеллектуальным багажом, богатство активного и пассивного словарных запасов, знание основных прецедентных текстов художественной литературы, интерес к новым словам и выражениям, отсутствие языковой самоуверенности. И.А. Стернин также отмечает, что ни образование, ни коммуникативная профессия ещё не гарантируют формирования у личности литературного типа речевого общения, здесь участвуют общественные и личностные факторы, которые требуют дополнительного исследования.

На наш взгляд, типология читателя У. Эко и типология носителей речевой культуры И.А. Стернина взаимодополняют друг друга и связаны общей идеей «идеального читателя» (Эко) и «элитарного типа» носителя языка (Стернин). «Идеальный читатель» как и «элитарный тип» – это идеал, к которому надо стремиться, но он практически недостижим и целенаправленно сформировать его невозможно.

Анализ анкет Ии. со свободными дефинициями и собственными интерпретациями текстов позволил нам выделить, опираясь на типологию

читателей У. Эко и типологию носителей речевой культуры И.А. Стернина, следующие типы читателей, встречающих в тексте «тёмные места».

- **Рефлексирующий читатель** даёт дефиниции часто с собственными комментариями, основанными на знании культуры и выводах по тексту (например, КИШЛОРАН – *национальное блюдо с помидорами;* СТЕТСОН – *мужской головной убор*). Рефлексирующий читатель (далее – РЧ) представляет высокий уровень развития, который стремится к филологическому исследованию текста. В дефинициях РЧ обнаруживаем языковое знание, которое способствует правильному «узнаванию» слова и пониманию текста (например, ИЛЛЮМИНАТ – *просветитель*). Многие РЧ подчеркнули, что слово ИЛЛЮМИНАТ происходит от illuminate, что означает «просвещённый». Для экспликации КС РЧ опирается не только на контекст, но и на форму слова (МИДИНЕТКА – *женщина среднего возраста,* так как midi (фр.) – середина, половина). РЧ обладает некоторыми знаниями культуры страны, где создавался текст оригинала. Так, представление о Коко Шанель помогает ему связать КС МИДИНЕТКА с прецедентным именем, связанным с знаменитой в нашей стране дамой, которая смогла сделать прекрасную карьеру (например, если Коко – МИДИНЕТКА, то *карьеристка; женщина среднего положения; женщина, использующая мужчин; алчная женщина; расчетливая женщина*). Интересно, что один И. отметил, что МИДИНЕТКА – *продуманка* («продуман» – модное словечко, используемое в молодёжной среде для обозначения всё предусматривающего человека, способного просчитать свой успех); 2 Ии. определили МИДИНЕТКУ как *женщину, ничего не представляющую.* Дефиниции РЧ отличаются от словарных, но знания того факта, что Коко Шанель действительно использовала богатых мужчин для своего карьерного роста и вызывала ревность у многих женщин, помогло уловить смысл пренебрежительного и унизительного отношения в словах её завистливой подруги. Подруга Коко хотела показать, что Коко ничего из себя не

представляет, она – «попросту мидинетка», т.е. простая швея. Таким образом, РЧ, не зная значения КС МИДИНЕТКА, поняли текст подобно авторскому замыслу образом. РЧ обладает рефлексивным интеллектом, логичностью мышления, неудовлетворенностью своим интеллектуальным багажом и отсутствием самоуверенности. Мы абсолютно согласны с И.А. Стерниным, что последнее качество является характеристикой более развитой языковой личности. Так, РЧ в интерпретации отрывка с КС ГОНДОЛЫ ставит под сомнение тот факт, что можно продавать венецианские гондолы в супермаркетах Франции. В двух анкетах Ии. было подчёркнуто, что *надо прислушиваться к покупателям гондол в специализированных (специальных) супермаркетах*. В одной анкете было указано про покупателей гондол со знаком вопроса. Сомнения читателей и введение слов «специальный/специализированный» в свои интерпретации текстов свидетельствуют о том, что текст был прочитан РЧ вдумчиво. Действительно, любой внимательный читатель задумается о возможности продаж гондол в простых французских супермаркетах, и текст не покажется ему таким лёгким для понимания. Интерпретации отрывков РЧ характеризуются богатством словарного запаса, использованием синонимов. Нельзя сравнивать РЧ с «идеальным читателем», но можно утверждать, что он пытается увидеть в тексте хоть «несущественное», но «существующее» [Эко 2005: 47].

- **«Поверхностный» читатель (**далее - ПЧ**),** сталкиваясь с трудностью, не прикладывает усилий, чтобы понять слово. Часто даёт дефиниции, не анализируя контекст (например, *какой-то танец, какой-то язык, какое-то блюдо*). В двух анкетах Ии. КИШЛОРЕН – *каша.* Данная идентификация свидетельствует о том, что Ии. не вчитывались в контекст, в котором сказано, что «купили помидор, чтобы приготовить кишлорен». Ассоциации с кашей объясняются сходством с графическим обликом слова, но внимательное прочтение текста заставляет задуматься о возможности приготовления каши из

помидор. ПЧ избегает трудностей в понимании и пропускает «тёмные места» в тексте. В отрывках с неоднозначным пониманием ПЧ часто отказывается давать дефиниции (больше всего отказов было получено на КС КВИПРОКВО и МИДИНТКА). Этого читателя удовлетворяет неполное, поверхностное понимание текста. ПЧ интересует только сюжетная линия. С одной стороны, ПЧ можно оправдать быстрым прочтением и отсутствием установки вдумчиво вчитываться в текст. Так, О.А. Андреев [2000] выделяет пять основных способов прочтения текста: углублённое, быстрое, панорамное быстрое, сверхбыстрое, чтение – просмотр – сканирование. Согласно методике обучения быстрому чтению О.А. Андреева [2000] все тексты обладают избыточностью, которая достигает порой 75%. При обучении быстрому чтению понимание сводится к тому, чтобы «схватить» в тексте основные идеи, значимые слова, короткие фразы, т.е. свести содержание текста к коротким и существенным логическим формулам. В методике выделены два основных приёма для понимания текста: выделение основных опорных пунктов (процесс фильтрации и сжатия текста без потери основы) и антиципация (смысловая догадка, которая обеспечивается так называемой скрытой реакцией ожидания). Рассмотренные приёмы понимания текста интуитивно используют многие читатели, т.е. соединяют ключевые слова в лаконичные, как бы конспектируют текст. В нём остаются только «зёрна мысли». ПЧ «сканирует» текст и лакунизированное слово не входит в 25% объёма нужной для него информации, поскольку не является «доминантной», т.е. главной смысловой частью текста [Там же]. С другой стороны, нашим Ии. было дано задание интерпретировать текст, предварительно изучив его. Быстрое панорамное чтение не входило в задачи наших читателей. К тому же, О.А. Андреев предостерегает, что метод быстрого чтения может быть использован для чтения газет, научно-популярных книг, журналов и т.д., но не рекомендует читать быстро художественную литературу и любые другие тексты, понимание которых затруднительно. В условиях

информационного взрыва обучение технике быстрого чтения необходимо и полезно для специалистов в разных сферах деятельности и для рядовых читателей, так как позволяет ориентироваться в выборе необходимой информации и нужной книги. Утверждая, что чтение должно быть разнообразным, О.А. Андреев цитирует высказывание Аббаса Махмуда Аль-Аккады, согласно которому «читатель, который читает лишь изысканные книги, подобен больному, который ест лишь изысканные кушанья» (цит. по: [Андреев 2000]). Автор методики быстрого чтения подчёркивает также, что, для того, чтобы разобраться в интересной книге, её надо изучать и перечитывать. Углублённое изучение текста, на наш взгляд, обогащает словарный запас и способствует формированию личности литературного типа речевого общения. Для интерпретации же ПЧ характерны скудный запас лексики, неумение развёртывать свою речь письменно.

- **Самоуверенный читатель (**далее – СЧ) «красуется» знаниями, полностью уверен в логике своих рассуждений, очень часто ошибочных, легко делает выводы. Переоценивая свои языковые и культурологические знания, злоупотребляет иностранными словами (например, КИШЛОРЕН – *соус болонезе, баварский кетчуп,* так как в тексте сказано, что «купили помидор для приготовления кишлорена»; КВИПРОКВО – *наркотик,* так как в тексте сказано, что после него происходит путаница; играть в ТРАППЕРЫ – *играть в казаков-разбойников;* разучивали БИБОП – *хип-хоп;* ПИКЕТ – *портвейн,* так как по контексту можно сделать вывод, что речь идёт о дешёвом спиртном напитке). СЧ часто прибегает к опоре на звуко-буквенный комплекс, не вдумываясь в контекст (например, МИДИНЕТКА – *марионетка;* БВАНА – *болван;* ИЛЮМИНАТ – *иллюминатор*). Читатель, имеющий представление о Коко Шанель, не сможет написать, что Коко – попросту *марионетка,* поскольку эта сильная личность, обладающая способностью управлять и доминировать, никогда не являлась марионеткой, т.е. легко управляемой куклой. У СЧ либо

отсутствуют знания в культурологической области, либо он не умеет применять их, т.е. читает текст так, как ему вздумается. Стоит отметить, одну анкету И. с КС МИДИНЕТКА – *недалёкая, бездарная, недорогая, неопытная актриса*. Многочисленные эпитеты И. доказывают, что этот СЧ не только полностью уверен в том, что МИДИНЕТКА – *актриса*, но и даже может охарактеризовать её. То же самое можно сказать о дефинициях в двух анкетах Ии. к КС ИЛЛЮМИНАТ – *иллюминатор.* КС было дано не изолировано, а в контексте, по которому можно догадаться, что речь идёт о секте ИЛЛЮМИНАТОВ. Опираясь на звуко-буквенный комплекс слова, СЧ не задумывается о смысле, который отсутствует в словосочетании *секта иллюминаторов*. В конце характеристики СЧ хочется отметить, что анкеты СЧ характеризуются богатством языковых средств, умением развёртывать свою речь, языковой самоуверенностью, но неумением анализировать «несущественное» в тексте. СЧ напоминает «идеологического читателя» или «читателя – циника» (в типологии У. Эко), поскольку видит в тексте то, что хочет сам видеть. Мы абсолютно согласны с У. Эко, который проводит различие между свободой интерпретационного выбора и свободой того читателя, который использует текст «просто как стимул для личных галлюцинаций, отсекая ненужные уровни значения» [Эко 2005: 76]. Стоит предположить, что такой читатель никогда не сомневается в правильности своего понимания.

Нулевой читатель существует только по нашему предположению. Мы с ним не сталкивались, так как анкетировали студентов, изучающих иностранные языки и культуры стран изучаемых языков. Все Ии. являются носителями литературного и среднелитературного типов речевых культур в соответствии с типологией И.А. Стернина. Ии. представляют собой также рефлексирующих теоретиков и практиков в условиях искусственной билингвальной личности (см. типологию Е.К. Черничкиной).

Мы не ставили перед собой задачу создать типологию всех читателей, встречающих в тексте «тёмные места». Как справедливо отмечает В.П. Белянин, «реальное бытиё текста и реальные процессы восприятия текста человеком многократно сложнее и глубже, чем упрощённые в научных целях представления о них» [Белянин 2000: 222]. Однако исследователь дополняет, что изучать их необходимо психологам, психолингвистам, лингвистам и т.д.

В нашем исследовании мы попытались выявить некоторые особенности восприятия художественного текста разными читателями и показать, что даже в одном заданном социальном контексте нет среднестатистического читателя. Типология значительно расширится с привлечением для исследования Ии. из других социальных групп, с разделением Ии. по гендерному типу, по возрастным критериям и т.д.

Таким образом, в цепочке «автор – переводчик – читатель» присутствуют разные типы читателей. Создавая свой текст перевода, переводчик учитывает трудности, с которыми могут встретиться читатели всех типов, поскольку от него зависят проекции текста РЧ (Ч1), СЧ (Ч2), ПЧ (Ч3) и других читателей (ЧN) (см. рис.11).

Рассматривая переводчика как читателя текста автора, У. Эко характеризует его как фиксированную модель Читателя, который наделён интеллектуальной способностью воспринимать текст и «соучаствовать в его актуализации» [Эко 2005: 25]. Эксплицируя «тёмные места» в комментарии, переводчик прогнозирует трудности, с которыми сталкиваются читатели всех типов, и создаёт «текстовый комплекс», приближающий проекции читателей к проекции текста автора.

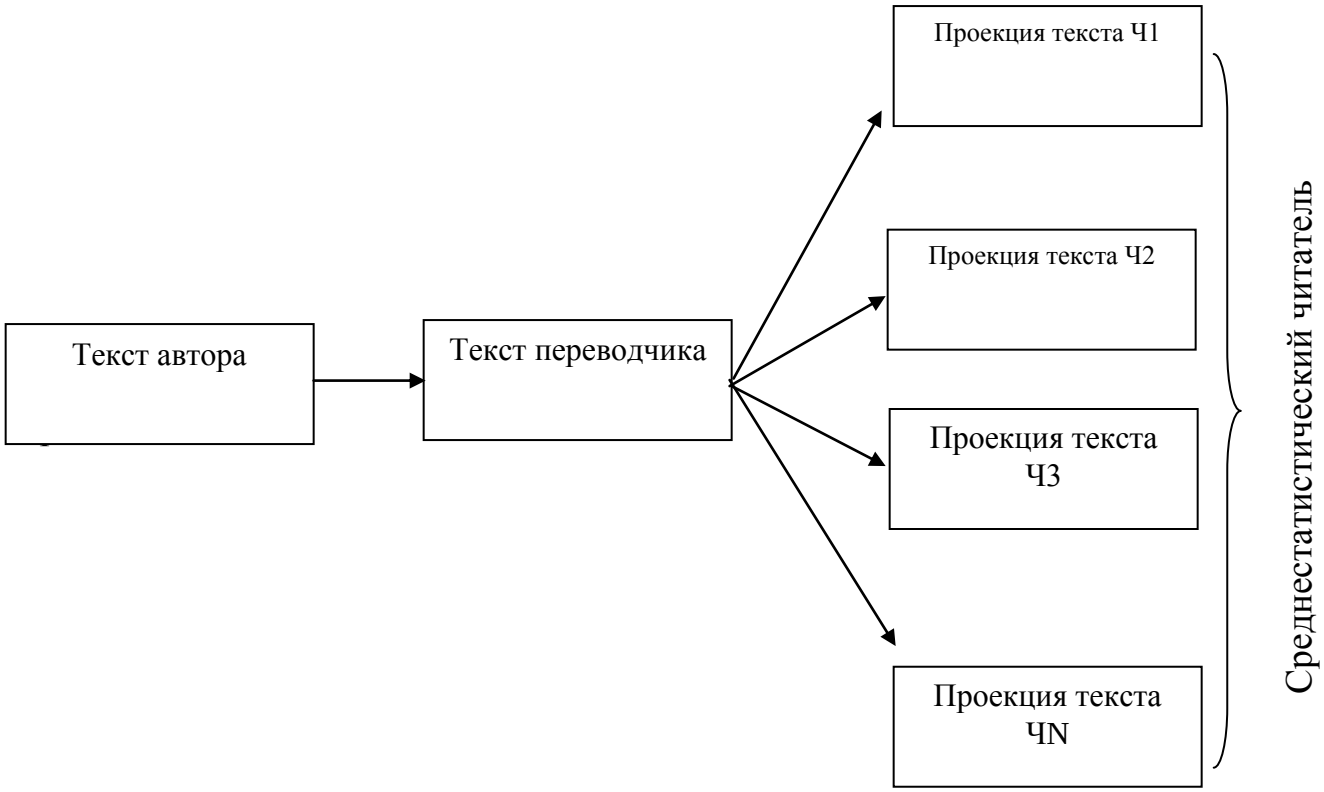


Рис. 11. Зависимость проекций текста читателей от текста переводчика

Анализ субъективных дефиниций к КС МИДИНЕТКА и интерпретаций отрывка, содержащего это КС, позволил нам построить модель, отражающую влияние переводческого комментария на понимание текста читателями. Сначала во время нашего исследования Ии. должны были дать дефиниции и интерпретации без переводческого комментария. Другими словами, Ии. не имели возможности перейти по гиперссылке (КС) к дополнительной информации (комментарию), чтобы «расшифровать» незнакомое слово. На вооружении у читателей, т.е. наших Ии. был только текст. Встретив в контексте лакунизированное слово, читатель прибегает к различным опорам для его

идентификации и соответственно понимания текста. Мы предполагаем, что опоры зависят от типа читателя (см. рис.12).

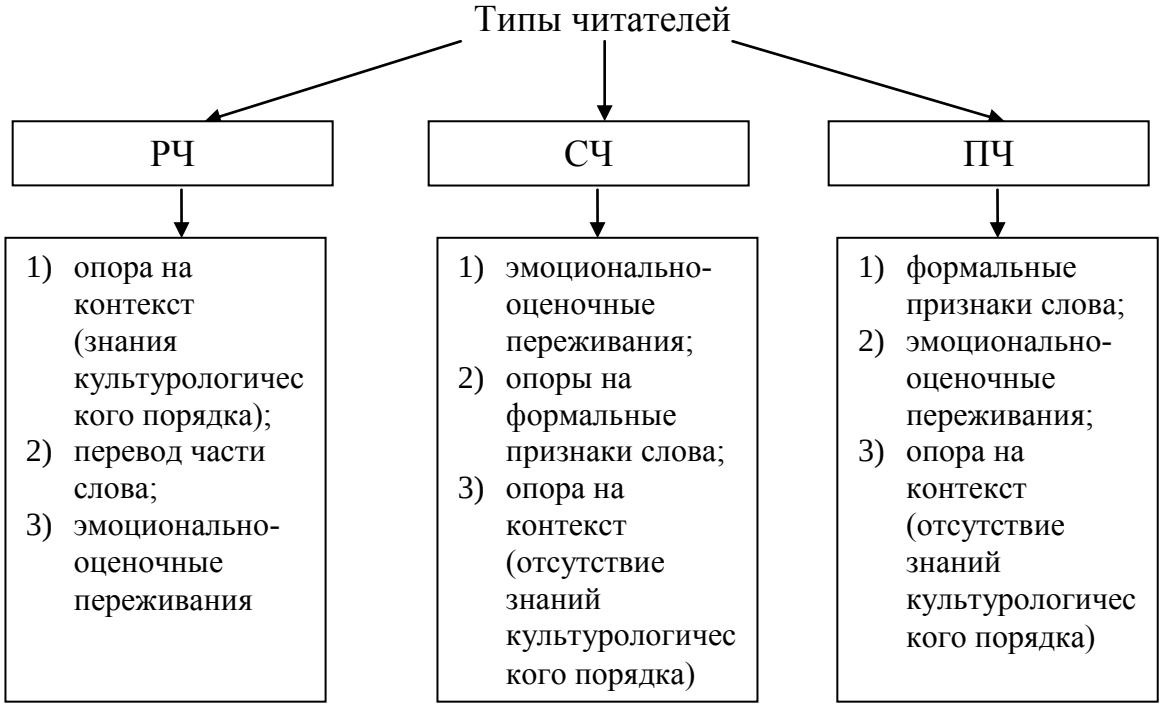


Рис. 12. Выбор опор при идентификации КС в тексте читателями разных типов

Так, рефлексирующий читатель обратит внимание на прецедентное имя в тексте, в котором говорится именно о Коко Шанель, той самой знаменитости, которая обладала особым характером и умела управлять мужчинами для достижения своей выгоды. Знания культурологического порядка отражаются в дефинициях Ии. и их интерпретациях текста. РЧ опирается также на перевод части слова, обладая хорошими знаниями языка текста оригинала.

В идентификациях поверхностного читателя преобладают опора на звуко-буквенный комплекс, а также отказ от дефиниций, который доказывает затруднение читателя в понимании текста, отсутствие у него культурологических знаний в данной области. Эмоционально-оценочные

переживания отражаются в дефинициях всех Ии., так как испытуемый при идентификации любого слова переживает знание с позиций «для меня – здесь – и сейчас». Но в дефинициях самоуверенного читателя эмоциональные оценки выражены более экспрессивно. Опираясь на звуко-буквенный комплекс, на функциональный признак предмета, СЧ видит в тексте «несуществующее», но не замечает «несущественное». Идентификации СЧ неожиданны, экспрессивны, но они «уводят» от понимания текста. Так, КС МИДИНЕТКА у СЧ – *проститутка, девка.*

После идентификации лакунизированного КС МИДИНЕТКА без переводческого комментария читатель создаёт свою проекцию текста. О проекции текста читателей мы можем судить по анализу анкет Ии., содержащих интерпретации отрывков. Проекции ПЧ и СЧ противоречат замыслу автора текста. В проекции ПЧ Коко выступает марионеткой, легкоуправляемой и бесхарактерной. Отказ от интерпретации означает отсутствие понимания этого отрывка. СЧ видит в тексте то, чего нет. В проекциях СЧ Коко выступает в роли проститутки, какой-то девки, которая «предпочитала артистам великих князей». Экспрессивность эмоциональных оценок, своя интерпретация ситуации в контексте способствует тому, что СЧ видит в Коко даже проститутку. Мы абсолютно согласны с И.В. Воскресенским [2007], что проекция ситуации индивидуальна у каждого субъекта, но культурологические знания рефлексирующего читателя, узнавание прецедентного имени, способность соотнести эти знания с выводами по тексту позволяют РЧ находить в КС черты, которые можно приписать знаменитой личности: *алчная женщина, расчетливая женщина, карьеристка* и т.д.

РЧ не догадывается, что в тексте КС МИДИНЕТКА означает профессию, но незнание значения КС «не уводит» РЧ от понимания всего текста. РЧ понимает, что МИДИНЕТКОЙ назвали Коко, а Коко Шанель была такой-то и вот такой-то. Соглашаясь с И.В. Воскресенским, что любой текст обладает

свойством неоднозначности, порождающим вариативность в ситуационном и смысловом плане, мы хотим добавить, что интерпретационная вариативность зависит от типа читателя, т.е. его культурного уровня, интеллекта, образованности и т.д.

Имея возможность воспользоваться комментарием переводчика, читатель, подобно пользователю компьютером, последовательно переходит к необходимой для него информации (к комментарию) по гиперссылке (КС) (см. рис. 13). КС представляет собой гиперссылку, а вся информация, заключённая в КС, представляет свёрнутый текст, который разворачивается при переходе по гиперссылке (КС) к комментарию переводчика. С помощью комментария читатель получает информацию, что КС МИДИНЕТКА означает «молодая парижская швея, выходящая в полдень на обеденный перерыв».

Таким образом, Коко – попросту швея, «которая предпочитает артистам великих князей». С помощью информации в комментарии у читателя создаются самые благоприятные условия для создания проекции текста в заданном автором направлении. Переводчик уравнивает условия понимания для всех типов читателей текста перевода.

Мы предполагаем, что после прочтения комментария проекции текста у читателей также не могут быть одинаковыми даже при наличии одинаковых условий, но это уже зависит от субъективно-личностных особенностей читателя. Ведь, несмотря на схожие характеристики в нашей биологической структуре, по утверждению выдающегося психолога Д. Мацумото, существуют «важные отличия в биологии и физиологии, составляющие основу нашего психологического склада» [Мацумото 2008: 220]. Благодаря этим различиям мы по-разному воспринимаем окружающий мир и поступающую к нам информацию. Так, вдумчивый читатель поймёт, что подруга хотела унизить Коко фразой «Коко – попросту швея», поскольку все понимают, что Шанель

была не просто швеей. Другой читатель подумает, что речь идёт просто о профессии Коко.

МИДИНЕТКА

Гиперссылка

1) Введение КС в контексте без переводческого комментария

ПЧ	СЧ	РЧ
1. Опора на звуко-буквенный комплекс; построение выводов по тексту	2. Опора на функциональный признак предмета; эмоционально-оценочные переживания; построение выводов по тексту	3.Опора на культурологические знания; знание прецедентного имени; построение выводов по тексту

2) Проекция на контекст конкретной текстовой дроби; создание читательской проекции

1. Коко – *марионетка;* Коко – (отказ от интерпретаций)	2.Коко - *проститутка, девка,* которая предпочитает артистам великих князей;	3. Коко – *алчная, корыстная женщина, использующая мужчин, карьеристка.*

3) Переход по гиперссылке (КС) к дополнительной информации (комментарию)

МИДИНЕТКА – молодая парижская швея, выходящая в полдень (midi) на обеденный перерыв (примеч. переводчика).

4) Развёртывание проекции читателя с дополнительной информацией переводчика

1. Коко – попросту швея	2. Коко – попросту швея	3. Коко – попросту швея (подруга хотела обидеть знаменитую Шанель)

Рис. 13. Модель развёртывания понимания текста читателем с опорой на переводческий комментарий

Как справедливо отмечает Ю.М. Лотман [2000], любой читатель «вносит в текст свою личность, свою культурную память, коды и ассоциации» [Лотман 2000: 219]. Полагая, что между текстом и читателем «неизбежно складываются два противоположных типа отношений: ситуация понимания и ситуация непонимания», Ю.М. Лотман подчёркивает, что понимание достигается «единством кодирующих систем автора и аудитории…» [Там же, 219]. Прогнозируя трудности, с которыми может встретиться будущий читатель, переводчик выделяет и комментирует в тексте «тёмные места», тем самым «расшифровывает» текст как на уровне языкового, так и на уровне культурного кода. Другими словами, переводчик создаёт «обоюдный код» для автора текста оригинала и читателя [Тер-Минасова 2000]. В итоге, переводческий комментарий уравнивает читателей принимающей культуры с читателями текста оригинала и создаёт одинаковые возможности для понимания текста разными типами читателей. Комментарий помогает читателю, но не заменяет его размышлений по тексту.

Таким образом, создание «текстового комплекса» переводчика, состоящего из текста перевода, комментируемого слова и комментария к нему, и проекция текста читателя взаимосвязаны и взаимообусловлены; имеет место сотворческий процесс, поскольку решающую роль в признании некого текста в обществе играет не сам текст как таковой, а то, «как данный текст прочитывается этим обществом» [Эко 2005: 286].

Выводы по главе 2

1. Переводческие комментарии базируются на прогнозировании будущего восприятия читателями текста перевода. Экспериментальное исследование

подтвердило совпадение читательских запросов по комментированию слов современной художественной литературы с предложениями переводчиков.

2. Анализ творческих работ Ии. с собственными интерпретациями отрывков показал, что без переводческого комментария понимание текста читателем может быть поверхностным, смутным, не состоявшимся. В большинстве случаев отсутствие знания значения КС обеднило проекции текста у читателей (55% текстов были поверхностно поняты Ии. благодаря опоре на внешний вербальный контекст).

3. Стратегическая природа толкования читателем комментируемого слова при отсутствии комментария к нему проявляется в стратегиях с опорой на:

1) внешний вербальный контекст;

2) эмоционально-оценочные переживания;

3) функциональные признаки предмета;

4) перевод части слова;

5) формальные признаки слова.

4. Идентификация незнакомого КС в контексте и понимание всего текста зависят от особенностей разных типов читателей. Анализ анкет Ии. позволил выделить несколько типов читателей в рамках одного социального контекста (рефлексирующий читатель, самоуверенный читатель, поверхностный читатель).

5. Гипертекстовая организация информации текста перевода с комментарием переводчика влияет на проекцию текста читателя. Модель понимания текста с КС включает поэтапный переход к необходимой информации (комментарию) по гиперссылке (КС). Информация в КС представляет собой свёрнутый текст, который разворачивается во время перехода по гиперссылке и создаёт одинаковые возможности для разных типов читателей при создании проекции текста в том направлении, в каком хотел направить автор оригинала.

6. Создавая «текстовый комплекс», переводчик учитывает трудности читателей всех типов. Переводческий комментарий не только уравнивает читателей принимающей культуры с читателями текста оригинала, но и создаёт одинаковые возможности для понимания текста перевода разными типами читателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе осуществлена попытка изучить процесс понимания читателем переводного текста с комментарием к незнакомому слову в русле психолингвистического подхода.

Предположение о том, что построение проекции текста читателем является сотворческим процессом переводчика и читателя, предопределило необходимость обращения к исследованиям не только в области психолингвистики, лингвистики и когнитивной лингвистики, но и психологии и переводоведения. В процессе анализа литературы по вопросам взаимодействия переводчика и читателя и понимания текста читателем были рассмотрены:

- понятие «комментарий», назначение и типология комментариев;
- триада «слово – текст – комментарий», в которой комментарий способствует оптимизации процессов понимания текста читателем;
- комментарий как переводческая стратегия в ракурсе восприятия текста читателем;
- взаимодействие переводчика и читателя в модели «автор – проекция текста автора – тело текста – переводчик – проекция текста переводчика – читатель – проекция текста читателя»;
- роль слова как опорного элемента в понимании текста.

Занимая центральное место в диалоге «автор – читатель», переводчик использует стратегию комментирования, которая базируется на прогнозировании трудностей, с которыми сталкивается будущий читатель текста перевода. «Текстовый комплекс», состоящий из текста перевода, комментируемого слова и комментария к нему, рассматривается как мета- и гипертекстовая организация информации, в которой комментируемое слово, представляющее собой свёрнутый текст, разворачивается в комментарии и даёт читателям разных типов возможность воспользоваться дополнительной

информацией для создания проекции текста в том направлении, в каком хотел направить читателя автор.

Для выявления степени понимания переводного текста без переводческого комментария и влияния комментария на построение проекции текста читателя были организованы и проведены психолингвистические эксперименты, результаты которых подвергнуты разностороннему анализу. Полученные результаты экспериментов позволили сделать ряд выводов.

Экспериментальное исследование подтвердило совпадение читательских запросов по комментированию слов переводной современной художественной литературы с предложениями переводчиков, что доказывает «нацеленность» переводчика на прогнозирование трудностей, с которыми может столкнуться читатель при чтении переводного текста.

Благодаря внешнему вербальному контексту читатель схватывает «основной» сюжет текста, но отсутствие комментария обедняет понимание текста читателем, а в ряде случаев приводит к непониманию смысла текста. Материалы экспериментов позволяют нам выделить ряд стратегий, к которым прибегает читатель при идентификации КС в тексте без комментария переводчика: стратегия опоры на внешний вербальный контекст, стратегия опоры на эмоционально-оценочные переживания, стратегия опоры на функциональный признак предмета, обозначенного КС, стратегия опоры на перевод части слова, стратегия опоры на формальные признаки слова.

Идентификация незнакомого слова в тексте и понимание всего текста зависят от личностных особенностей разных читателей. В одном социальном контексте нам удалось выделить рефлексирующего читателя, склонного к филологическому исследованию текста; самоуверенного читателя, который использует текст «для собственных галлюцинаций»; поверхностного читателя, заинтересованного только в сюжетной линии текста.

В работе представлена модель развёртывания процесса понимания текста с опорой на переводческий комментарий. Модель отражает влияние отсутствия/наличия переводческого комментария на создание проекции текста читателей разных типов.

Психолингвистический подход к изучению понимания текстов, содержащих «тёмные места», предполагает акцентирование внимания на индивиде и процессах, происходящих в его сознании, а также позволяет получить более полные и объективные данные об особенностях понимания текстов разными типами читателей. Анализ субъективных дефиниций Ии. к комментируемым словам в текстах переводной литературы и анкет Ии., содержащих интерпретации текстов, позволяет сделать вывод о том, что идентификация КС и понимание переводных текстов зависят от взаимодействия переводчика и читателя и от личностных особенностей читателей. В модели «автор – проекция текста автора – тело текста – переводчик – проекция текста переводчика – читатель – проекция текста читателя» продолжительность жизни текста автора зависит от взаимодействия переводчика и читателя.

Затронутые в работе вопросы представляются актуальными для дальнейшего более глубокого изучения особенностей понимания переводного текста читателями разных типов, возрастов, полов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев О.А.Учимся читать быстро: первая ступень обучения в школе О.Андреева. Программа «Доминанта» 2000 / О.А. Андреев. – М: Триада, ЛТД, 2000. – 190 с.
2. Аринштейн Л. М., Скороденко В. А. // Английская поэзия в русских переводах. XX век. Сборник / Л.М. Аринштейн, В.А. Скороденко. – М: Издательство «Радуга», 1984. – С. 673–846.
3. Арнольд И.В. Оценочность комментария в устной речи и тексте / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. СПб. – 1999. – С. 259–269.
4. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356– 367.
5. Ахманова О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
6. Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс: учебное пособие / В.Н. Базылев. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 134 с.
7. Базылев В.Н. Три источника и три составные части комментария / В.Н. Базылев // Текст и комментарий. – М., МАКС Пресс. – 2007. – С. 6–24.
8. Базылев В.Н. Семиотическая модель перевода / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. – Вып.1 (24). – Екатеринбург, 2008 – С.115–118.
9. Балдова В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19./ Балдова Вера Александровна. – Тверь, 1999. – 16 с.
10. Банкевич Л.В. Тестирование лексики иностранного языка / Л.В. Банкевич. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

11. Бармина Л.В. Затекстовой комментарий как компонент лингвокультурологического исследования художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. / Бармина Людмила Васильевна. – Москва, 2011. – 24 с.
12. Баринова Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.08. / Баринова Екатерина Евгеньевна. – Тверь, 2008. – 21 с.
13. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19./ Барсук Людмила Владимировна. – Саратов, 1991. – 16 с.
14. Барт Р. Кризис комментария / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX XX вв. : трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косиков. – М., 1987. – С. 367–369.
15. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Издательство «Международные отношения», 1975. – 240 с.
16. Беляева И.С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма: на материале произведений Владимира Набокова: дис. … канд. филол. наук: 10.01.08. / Беляева Ирина Сергеевна. – Москва, 2009. – 186 с.
17. Беляева Н.В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. … канд. филол. наук / Беляева Наталья Васильевна. – Тверь, 2010. – 18 с.
18. Белянин В.П.Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе) / В.П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
19. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 232 с.

20. Бессонова А.С., Викторович В.А. Набоков – интерпретатор «Евгения Онегина» / А.С. Бессонова, В.А. Викторович // А.С. Пушкин и В.В. Набоков: материалы межд. науч. конференции. – СПб. «Дорн». – 1999. – С. 279–289.
21. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности / Г.И.Богин // Методика современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. – Барнаул, 2000. – С. 41–51.
22. Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Бревдо Ирина Феликсовна. – Тверь, 1999. – 18 с.
23. Бурак А.Л. Просто о сложном: Некоторые вопросы переводоведения / А.Л. Бурак // Вестник МГУ. – Серия 19 – «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 1999. – С. 49–59.
24. Васильев Л.Г. Переводчик в коммуникативном пространстве / Л.Г. Васильев // Перевод как моделирование и моделирование перевода – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 25–32.
25. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
26. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 402–421.
27. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: Издательство КДУ, 2004. – 235 с.
28. Вишневский А.В. Теоретические и прикладные аспекты перевода / А.В.Вишневский. – Иваново: ИГУ, 2009. – 208 с.
29. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин; под ред. Вл. Россельса. – М.: Международные отношения, 1980 – 352 с.
30. Воробьева В.В. Субстандартная метафора как гипертекст в художественной литературе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Воробьёва Виктория Викторовна. – Тверь, 2011. – 15с.

31. Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Воскресенский Иван Викторович. – Тверь, 2007. – 19 с.
32. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребёнка / Л.С. Выготский // Собрание сочинений. В 6-и т. – М.: Педагогика, 1984. – Т.6. – С. 5–90.
33. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода / Н.Л. Галеева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – 79 с.
34. Галеева Н.Л. Художественность текста как способ пробуждения рефлексии читателя / Н.Л. Галеева // Языковые подсистемы стабильность и динамика. – Тверь: Твер.гос. ун-т, 2002а. – С. 91–93.
35. Галеева Н.Л. Достоверность интерпретации художественного текста как предпосылка его понимания / Н.Л. Галеева // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002б. – С. 120–126.
36. Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования: монография / Н.Л. Галеева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 172 с.
37. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. / Гарусова Елена Владимировна. – Тверь, 2007 – 15 с.
38. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования / М.Л. Гаспаров // Новое литературное обозрение: независимый филол. журнал. – 2004. –№66. – С. 70–74.
39. Девицкая З.Б. Психолингвистическое исследование усвоения лексики при учебном многоязычии: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Девицкая Зоя Борисовна.– Тверь, 2008. – 15 с.
40. Дедова О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма / О.В. Дедова // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 2001. – №4. – С. 22–36.

41. Евсеева Т.В. Переводной художественный текст с комментарием. Структурные, когнитивные и функционально-прагматические: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Евсеева Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 21 с.
42. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И.Жинкин. – М.: Наука, 1982.– 157 с.
43. Женетт Ж. Введение в архитекст / Ж. Женетт // Работы по поэтике. Фигуры: в 2 т. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 282–340.
44. Залевская А.А. Понимание текста. Психолингвистический подход / А.А. Залевская. – Калинин. Гос. Ун-т, 1988. – 95 с.
45. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.
46. Залевская А.А. Слово на пути к пониманию текста / А.А. Залевская, Э.В. Каминская, И.Л. Медведева, Н.В. Рафикова // Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. – Тверь: Твер.гос. ун-т, 1998. – С. 4–46.
47. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
48. Залевская А.А. Единая информационная база человека / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология». – 2009. – №25. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 15–20.
49. Залевская А.А. Внутренний контекст и метафора «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология». – 2012. – №24. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 55–62.
50. Залевская А.А. Топы как смысловые инварианты высказываний: роль в познании и общении / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология». – 2013а. – № 5. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 38–45.

51. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013б. – № 1(17). – С. 8–19.
52. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И.А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.
53. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание / В.П. Зинченко. – Самара: «Самарский Дом печати», 1998. – 296 с.
54. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография / Н.О. Золотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 203 с.
55. Зыкова Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Зыкова Елена Владимировна. – СПб, 2006. – 19 с.
56. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный: традиции и перспективы. – СПб: СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.
57. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика / Т. А. Казакова. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.
58. Каминская Э.Е. Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Каминская Эльвира Евгеньевна. – Тверь, 1996. – 16 с.
59. Каминская Э.Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия. Психолингвистическое исследование: монография / Э.Е. Каминская. – Новгород: Новгород.гос.ун-т, 1998. – 134 с.
60. Карпухина В.Н. Переводческий комментарий в интеллектуальном детективе / В.Н. Карпухина // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2–11(66). – 2010. – С. 119–121.

61. Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. / Карпухина Виктория Николаевна. – Пермь, 2013. – 443 с.
62. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – Вып. 3. – С. 4–34.
63. Кашкин В.Б., Князева Д.С., Рубцов С.С. Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях / В.Б. Кашкин, Д.С. Князева, С.С. Рубцова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2008. – Вып. 6. – С. 110–119.
64. Кашкин В. Б. Метакогнитивный аспект перевода: стереотипы обыденного и профессионального сознания / В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Воронеж, 2010. – Вып. 9. – С. 34–43.
65. Клочкова Е.С. Лингво-прагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Клочкова Елена Сергеевна. – Самара, 2009. – 22 с.
66. Клюканов И.Э. Основные модели перевода / И.Э. Клюканов. – Калинин, 1988. – 52 с.
67. Ковалёва Н.Ф. Комментарий к тексту как лингвистический гипертекст (на материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Ковалёва Наталья Фёдоровна. – Самара, 2004. – 22 с.
68. Колосова П.А. Перевод игры слов в художественном тексте: герменевтический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. / Колосова Полина Алексеевна. – Тверь, 2013 – 15 с.
69. Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Коробейникова Наталья Николаевна. – Барнаул, 2006. – 25 с.

70. Корытная М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Корытная Марина Леонидовна. – Тверь, 1996. – 186 с.
71. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // Вестник Моск. ун-та. – Серия 9, Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
72. Левый И. Искусство перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 128 с.
73. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения / А.А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 46–73.
74. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
75. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство–СПб», 1995. – С. 472–762.
76. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 448 с.
77. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство–СПб», 2000. – 703 с.
78. Лутовинова О.В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / О.В. Лутовинова // Вестник ВГПУ. – Серия «Филологические науки». – 2009. – №5 (39). – С. 4–7.
79. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. – М., 1986. – 200 с.
80. Махов А.С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Махов Алексей Сергеевич. – Москва, 2010. – 26 с.
81. Мацумото Д. Человек, культура, психология. / Д. Мацумото. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 668 с.

82. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. / Медведева Ирина Львовна. – Уфа, 1999. – 46 с.
83. Миловидов В.А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения / В.А. Миловидов // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология» . – 2012. – № 10. – С. 108–112.
84. Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора: Редакционно-изд. оформление издания / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. – М.: Олимп: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 688 с.
85. Мукушева Г.Р. Методика обучения студентов экономических специальностей пониманию иноязычных текстов на слух (английский язык): автореф. дис. … канд. филол. наук: 13.00.02. / Мукушева Гульсум Рамазановна. – Алматы, 2001. – 24 с.
86. Набоков В.В. Комментарий к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина / В.В. Набоков; под редакцией В.П. Старка. – СПб.: Искусство – СПб; Набоковский фонд, 1998. – 928с.
87. Никифорова Ж.А. Самоорганизация гипертекста (на материале газеты «Комсомольская правда»): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Никифорова Жанна Александровна. – Челябинск, 2011. – 23 с.
88. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова / Б. Носик. – Издательство «Пенаты», 1995. – 552 с.
89. Орешников А.С. Об универсальном комментарии / А.С. Орешников // Проблемы структурной лингвистики. – М.: «Наука», 1988. – С. 268–271.
90. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. …канд. филол. наук: 10.02.19./ Остапенко Дарья Игоревна. – Воронеж, 214. – 246 с.

91. Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореф. дис.. . д-ра филол. наук: 10.02.01. / Перфильева Наталия Петровна. – Новосибирск, 2006. – 42 с.
92. Привалова И.В.Понимание иноязычного текста: монография / И.В. Привалова. – Саратов: Издательство Поволжского межрегион., учебного центра, 2001. – 175 с.
93. Протченко А.В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Протченко Анна Владимировна. – Самара, 2006. – 221 с.
94. Пшеницын С.Л. О смысловых различиях при переводе / С.Л. Пшеницын // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: сб. статей Studia Linguistica. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 76–83.
95. Пшёнкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04./ Пшёнкина Татьяна Геннадьевна. – Барнаул, 2005. – 330 с.
96. Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Рафикова Наталия Валерьевна. – Тверь, 1994. – 16 с.
97. Рафикова Н.В. Опорные элементы понимания текста / Н.В. Рафикова // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь, 1995. – С. 89–96.
98. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография / Н.В. Рафикова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 144 с.
99. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник / А.А. Реформатский. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1967. – 536 с.
100. Рейсер С.А.Основы текстологии / С.А. Рейсер. – Л.: Издательство «Просвещение», 1978. – 176 с.

101. Рейтблат А.И. Комментарий в эпоху Интернета (Методологические аспекты) / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – С. 82–90.

102. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.

103. Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова / Т.М. Рогожникова. – Уфа: Уфим. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.

104. Розина Р.И. О комментарии. / Р.И. Розина // Проблемы структурной лингвистики. – М.: «Наука», 1988. – С. 259–267.

105. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. — Томск: Издательство Том. ун-та, 2000. – 194 с.

106. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги / Н.А. Рубакин. – М.: Книга, 1977. – 264 с.

107. Рябова М.В. Способы делакунизации художественного текста при переводе / М.В. Рябова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : сб. научных трудов. – Вып 12. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2011. – С. 175–185.

108. Рябова М.В. Сохранение национальной специфики художественного текста: перевод реалий / М.В. Рябова // Межкультурная коммуникация в глобальном мире: сб. материалов международной научно-практической конференции. – Владимир: ВГТУ, 2009. – С. 113–119.

109. Самохина И.А.Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста: дис…. канд. филол. наук: 10.02.20. / Самохина Ирина Анатольевна. – Тверь, 2012. – 167 с.

110. Слесарёва И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И.П. Слесарёва. – М.: URSS, 2010. – 174 с.
111. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт классификации лакун как один из способов описания национальной специфики / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина // Теория лингвистических классификаций: межвузов. сб. науч. трудов. – М.: МОПИ, 1987. – С. 91–97.
112. Сорокин Ю.А. Культура и её этнопсихолингвистическая ценность / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина // Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – С. 5–18.
113. Сорокин Ю.А. Интуиция и перевод. Рефлексивный опыт переводчика-китаиста / Ю.А. Сорокин // Перевод как моделирование и моделирование перевода. – Тверь, Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 4–19.
114. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю.А. Сорокин. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.
115. Стернин И.А. Типы речевых культур: учебное пособие / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 23 с.
116. Сергиенко П.И. К вопросу об использовании гипертекста в энциклопедическом и информационно-развлекательном электронных изданиях / П.И. Сергиенко // Вестник Московского ун-та. – Серия 19. – Лингвистика и международная коммуникация. – 2008. – №4. – С. 166–172.
117. Стройков С.А. Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста / С.А. Стройков // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – Т.12. – №5(3). – Самара: Издательство СНЦ Ран, 2010. – С. 98.
118. Супрун А.Е. Экзотическая лексика / А.Е. Супрун // Филологические науки. – 1958. – №2. – С. 50–54.

119. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
120. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Ткаченко Надежда Михайловна. – Ижевск, 2007. – 20 с.
121. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Издательство: Аспект Пресс, 1996. – 344 с.
122. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – 200 с.
123. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода: Лингвистические проблемы / А.В. Фёдоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
124. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
125. Фатеева Н. А. Интертекст и гипертекст: художественный текст, его бытие в «паутине» других текстов / Н. А. Фатеева // Русский язык сегодня: сб. ст. М. – 2003. – Вып. 2. – С. 388–400.
126. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: Лингвистический статус и характеристики: автореф. дис. … д-ра. филол. наук: 10.02.19. / Черничкина Елена Константиновна. – Волгоград, 2007. – 28 с.
127. Чернов Г.В. Чем текст перевода отличается от оригинального текста / Г.В. Чернов // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз РАН. – 1996. – С. 102–117.
128. Швейцер А.Д. Перевод и культурные традиции / А.Д. Швейцер // Перевод и лингвистика текста. – М.: Всероссийский центр переводов. – 1994. – 217 с.
129. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

130. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У.Эко. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 501 с.

131. Эко У. Опыты о переводе. Сказать почти то же самое / У.Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

132. Dagut M. Hebrew – English Translation: A Linguistic Analysis of Some Semantic Problems / M. Dagut. – Haifa: University of Haifa, 1978. – 228 p.

133. Eco U. The Limits of Interpretation / U. Eco – Bloomington Indiana University Press, 1990. – 295 p.

134. Garnham A. Psycholinguistics: Central topics / A. Garnham. – London; New York: Methuen, 1985. – 269 p.

135. Haberlandt K. Methods in reading research / K. Haberlandt // Gernsbacher M.A. (Ed) Handbook of psycholinguistics. – San Diego; New York, Boston etc.: Academic Press, 1994. – Pp.1–31.

136. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. – London; N.Y.: Routledge, 1997. – 244 p.

137. Hermans T. Paradoxes and Aporias in Translation and Translation Studies / T. Hermans // Translation Studies: Perspectives on and Emerging Discipline / A. Riccardi (ed.) Cambridge: CUP, 2002. – Pp. 10–23.

138. Nida E. The Theory and Practice of Translation / E. Nida. – Ch. R. Taber. – Leiden: Brill Academic Publishers, 2003. – 218 p.

139. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained / Ch. Nord. – Manchester: St. Jerome Pub., 1997. – 154 p.

140. Nord Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Applications of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam: Rodopi, 2005. – 284 p.

141. Paul F. Literary translation as a field of interdisciplinary literary studies / F. Paul // Литература и перевод: проблемы теории. – М.: Прогресс. Литера, 1992. – Pp. 121–127.

142. Sager J. Quality and standards – the evaluation of translations / J. Sager // The Translator`s Handbook. – London: Aslib, 1983. – Pp. 121–128.

143. Singer M. Discourse inference processes / M. Singer // Gernsbacher M.N. (Ed.) Handbook of psycholinguistics. – San Diego; New York; Boston etc.: Academic Press, 1994. – Pp. 479–516.

144. Toury G. Descriptive Translation Studies – and Beyond / G. Toury – Amsterdam$ Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 311 p.

145. Lefevere A. Bassnett S. Introduction. Where are we in Translation Studies / S. Bassnett, A. Lefevere // Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. – Pp.1–11.

146. Venuti L. The Translator`s Invisibility: A. History of Translation / L. Venuti. – N.Y.: Routledge, 1995. – 353 p.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

147. Словарь иностранных слов. – 10-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1983. – 608 с.

148. Hachette. – Paris cedex 15. – 2006. – www. hachette – education.com.

149. Le petit Larousse. – Paris: Larousse, 1994. – 1784 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

150. Бальзак О. Гобсек. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 63 с.

151. Бегбедер Ф. 99 франков. – М.: Иностранка, 2013. – 395 с.

152. Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. – М.: Издательство «Детская литература», 1985. – 141 с.

153. Блох Р. Психоз. – М.: «Эксмо», 2006. – 543 с.

154. Верн Ж. Таинственный остров. – Минск: «Ураджай», 1984. – 543 с.

155. Гавальда А. Просто вместе. – М.: ИД «Флюид», 2008. – 590 с.

156. Гидель А. Коко Шанель. – М.: «Эксмо», 2009. – 446 с.
157. Мопассан Г. Милый друг. Новеллы. – М.: «ЭКСМО-ПРЕСС», 2001. – 638 с.
158. Обер Б.Укус мрака. – СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2008. – 603 с.
159. Санд Ж. Индиана. – М.: Патриот, 1992. – 301 с.
160. Стиль А. Повести. – М.: «Эксмо», 1989. – 245 с.
161. Фонкинос Д. Идиотизм наизнанку. – СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2008. – 252 с.
162. Шмитт Э. Дети Ноя. – СПб: Издательство «Азбука-классика», 2006. – 263 с.
163. Pouchkine A. La fille du capitaine. http://www.inlibroveritas.net/lire
164. Tourgueniev I. Memoires d`un chasseur. – Gallimard, 1953. – 635 с.